

ДОРОГИЕ РЕБЯТА!

Вот и закончился ещё один учебный год. Много в нём было: открытия и потери, к примеру, ручек и грифелей; километры выученных параграфов и килограммы исписанных тетрадей; заслуженные похвалы и нагоняи (куда же без них?) и многое другое. Мы надеемся, что ваши головы немного потяжелели от накопленных за год знаний. Впрочем, впереди вас ждёт загорелое, необъятное лето для того, чтобы полностью опустошить их до 1 сентября.

5-й, 6-й, 7-й и 8-й выпуски журнала «Школьный вестник» мы решили сделать не совсем обычным. Без традиционных рубрик, чтобы они стали такими же лёгкими и беззаботными, как ягодное дыхание лета. Держите эти выпуски под рукой, не убирайте на дальнюю полку к учебникам. Обещаем, что они здорово скрасят самые знойные часы этих каникул.

Желаем сказочного лета, ярких впечатлений и до новых встреч на страницах журнала «Школьный вестник»!

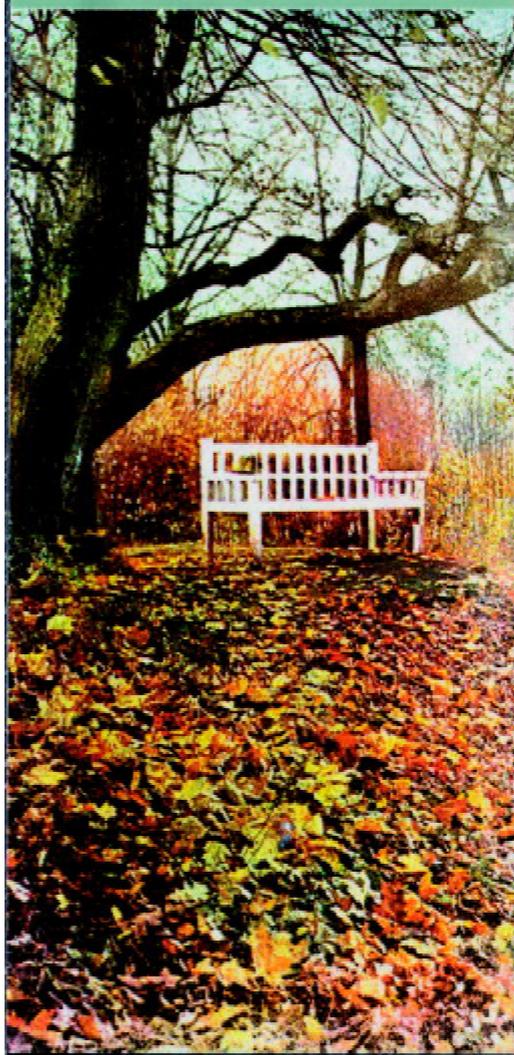

ШКОЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

6+

5/2020

ПУШКИН

ПУШКИН

ОТ АВТОРА

Рассказать биографию Пушкина... Впервые с такой задачей я столкнулся в 1998 году в Норвегии. Лекция моя называлась «Легендарные русские поэты», аудитория — творческий семинар студентов разных факультетов, все пишут верлибры по-норвежски.

— Первый легендарный поэт России — это, конечно, Пушкин, — начал я, ожидая понимающих улыбок: мол, про него-то мы знаем.

Оказалось, слышат впервые. Написав на доске «Pushkin», я осознал уникальность ситуации и свою огромную ответственность перед отечественной культурой. То, что я скажу, станет для моих слушателей единственной правдой о нашем национальном гении. Никакой отсебятины — надо выбрать главное и изложить его самыми ясными и быстрыми словами.

Следующий, 1999 год был юбилейный, и цикл лекций о Пушкине в университете города Экс-ан-Прованс читался по-русски славистам.

— Когда Пушкин первый раз приехал в Париж? — спросил я студентов для начала.

Все на мгновение напряглись, а потом заулыбались: jamais! никогда! Не довелось ему во Франции побывать. Что ж, с подготовленной аудиторией — разговор совсем другой.

В том же году я написал статью «Двадцать два мифа о Пушкине», которая вышла и во Франции, и в России.

Разложил по полочкам: «наше всё», «умнейший человек России», «дурак» (по Писареву и Хармсу), «донжуан», «однолюб», «оптимист», «пессимист», «атеист», «религиозный поэт», «пророк и учитель», «эстет», «новатор», «традиционалист», «декабрист», «монархист», «космополит», «патриот», «жертва», «победитель» и т. п. Вроде бы ничего не упустил, существенно новых мифов в XXI веке не появилось.

Творческие мифы — духовная роскошь? Современному читателю предлагается большой выбор пирожных, а где такая простая и внятная биографическая книжечка, которая была бы куском хлеба для неподготовленного, не слишком начитанного человека? Чтобы из неё он мог почерпнуть не концепции и гипотезы, а самые необходимые первичные сведения.

Ответ, впрочем, известен: такой книжечки нет. Современная пушкинистика богата и разнообразна: разыскания, разборы, интерпретации, академическая текстология. Но всё это рассчитано на читателя-специалиста, читателя как минимум с высшим филологическим образованием. Думаю, что и серьёзная книга Ю. Лотмана, вышедшая 30 с лишним лет назад в качестве пособия «для учащихся старших классов», сегодня трудна не только для подростка, но и для большинства взрослых читателей. Для передвижения по пушкинскому миру нужен компас, желательно компактный. Чтобы в карман вмещался и не требовал длительного изучения.

Вот такую карманную книжечку задумал я написать для малой серии «ЖЗЛ» (в большой серии имеется благополучно переиздающийся двухтомник Ариадны Тырковой-Вильямс). Помимо цели просветительской была здесь и специфическая литературная задача. В судьбе писателя

есть сюжет и фабула. Сюжет — это творческая эволюция художника, это единый смысл всего им написанного, это его взаимоотношения с литературной историей. Фабула — судьба личности в житейском пространстве. Пушкинский сюжет так грандиозен, что фабула в нём, как правило, растворяется. В пушкинистике «творчество» решительно доминирует над «жизнью».

Между тем наступил новый век, и литературоцентризм остался в прошлом. Новый читатель больше интересуется жизнью — и собственной, и писательской. От неё он может шагнуть и к текстам — такова теперешняя мотивация. Жизнь у Пушкина была довольно интересная и фабульная. А что, если прочертить эту фабулу, увидеть её общим планом? Мне совсем не хотелось творить очередного «моего Пушкина» — тянуло уловить динамику реальной судьбы героя, вбирающей в себя и «труд упорный», и «все впечатленья бытия».

Пушкин по своей природной сути — ныряльщик. Уловив течение жизни, он бросается в поток. Новая любовь, новая дружба, новая дуэльная вражда, новое путешествие. И точно так же — новое сочинение, стихотворное или прозаическое. Ритм не теряется ни на минуту, драйв возрастает. Течение несёт Пушкина к неминуемой гибели, за которой столь же неминуемое бессмертие. Каждый пушкинский текст, любой эпизод его судьбы сохраняют заряд прижизненной динамики. Мы можем получить свою дозу и читая стихотворение, и воспринимая (или вспоминая) отдельный биографический факт. Отбор фактов для книги — профессиональный риск биографа, поскольку он может положиться только на собственную интуицию. Абсолютно научной может быть разве что многотомная «летопись жизни и творчества»

на тысячи страниц. Компактная же книжка всегда субъективно-изобразительна. Это относится и к повествованию Ю. Лотмана, и к повествованию И. Сурат и С. Бочарова. Единственного решения здесь быть не может.

По жанру считаю свою книжку новеллой. В ней нет подзаголовков — эпизоды обозначены просто римскими цифрами, как строфы в «Евгении Онегине» или в «Домике в Коломне». В какой-то степени мне было созвучно то понимание пушкинской судьбы, которое содержится в раздумьях автобиографичного героя повести Сергея Довлатова «Заповедник». Ясный и прозрачный стиль Довлатова-рассказчика был бы, наверное, идеален для краткой биографии Пушкина. Простота может быть способом отстранения, свежего взгляда на знакомый предмет, многократно мифологизированный и демифологизированный. «Пишем для человека, а не для соседнего учёного», — говорил В. Шкловский. Обращение к неведомственному читателю обусловило почти «детгизовский» дискурс книги. На этот риск я пошёл сознательно.

В процессе писания книжки я внутренне примирился с самыми разными существующими насчёт Пушкина мифологемами — они по-своему правомерны. Пушкин как человек-мир открыт для любых художественных уподоблений. Моя книжка ни с кем не спорит — надеюсь, что и прочитавшие её без предубеждения заинтересуются тем, что написано и пишется о Пушкине.

Это моя третья книга в серии «Жизнь замечательных людей». Предыдущими персонажами были Высоцкий и Блок. Состав «троицы» весело предсказан Высоцким в песне «Посещение Музы»: «Ведь эта Муза — люди подтвердят! — / Засиживалась сутками у Блока, / У Пушкина жила не выходя».

Пушкин, Блок и Высоцкий, по-моему, — три самых легендарных русских поэта. Ведь, скажем, Мандельштам не является культовым для «простых» людей, а Есенин — наоборот, не «культов» для эстетов.

Степень легендарности, кстати, экспериментально проверяется по тому, насколько знамениты спутницы поэтов. Здесь Наталья Николаевна, Любовь Дмитриевна и Марина Влади(мировна) оставляют всех соперниц далеко позади.

Все три поэта делали сознательную ставку на демократизм, который был для них главным эстетическим вектором.

Ещё все трое, страстно интересуясь социальными вопросами, не были политически ангажированы. «Медный всадник», «Двенадцать», вся совокупность песен Высоцкого (для примера приведу «Баньку по-белому» или «Старый дом») — структуры многозначные, в смысловом отношении амбивалентные, не сводимые к идеологическим схемам.

Пушкин, Блок и Высоцкий сходятся ещё в одном отношении. Обладая несомненной харизматичностью, они не стремились к лидерству, не были кружковыми «гуру». Им больше нравилось присутствовать в разнообразных кругах и кружках, получая свежую информацию, наблюдая за новыми людьми. Любимая форма дружеского контакта у всех троих — диалог, встреча один на один. Можно даже прочертить некоторую сравнительную типологию связей. Таково, например, амплуа верного друга, лишённого конкурентно-творческих амбиций. Для Пушкина таким был Павел Нащокин, для Блока — Евгений Иванов, для Высоцкого — Вадим Туманов.

Каждый из героев потребовал своего подхода. Больше всего филологической рефлексии в книге о Высоцком, что обусловлено полемической необходимостью: многие интеллектуалы до сих пор не видят его семантической двуплановости, его способности мыслить разными точками зрения. В книге о Блоке «жизни» и «творчества» поровну, поскольку он жил и писал в эпоху житнетворчества.

На Пушкина, по-моему, такая «серебряновечная», модернистская модель не распространяется. Не думаю, что он творил свою жизнь по эстетическим законам, как произведение искусства. Он отдавался стихии жизни со всей человеческой непосредственностью, что и придаёт его многоактной биографической драме смысловую прозрачность. Впрочем, эту мысль я старался не декларировать, а передать её в повествовании. Чтобы сама жизнь поэта сказала это читателю.

Первых читателей рукописи: Н. М. Азарову, А. В. Василевского, А. В. Кулагина, О. И. Новикову — благодарю за полезные советы и уточнения.

На Земле есть Россия, в России — Москва, в Москве — Немецкая слобода.

Там, на углу Малой Почтовой улицы и Госпитального переулка, стоит дом коллежского регистратора Скворцова, арендуемый отставным майором Сергеем Львовичем Пушкиным. 26 мая (по новому стилю — 6 июня) 1799 года, в день Вознесения, здесь появляется на свет его сын Александр, который станет первым поэтом России и главным её символом.

Пушкин — будет.

Вспоминать о раннем детстве — не его склонность. Культ детства — религия эгоцентриков, которые всматриваются в себя, чтобы понять мир. А он из тех, чей взгляд изначально обращён вовне. Ему, чтобы осознать себя, надо стать человеком-миром.

А пока Александр — малоподвижный, толстый мальчик. Ему нравится сидеть дома с бабушкой Марией Алексеевной и смотреть, как она занимается рукоделием. Но мать насильно водит его гулять, принуждая бежать за нею. Как-то раз, отстав, он садится посреди улицы. Из окна дома на него глядит дама. Смеётся. Мальчик встаёт со словами: «Ну, нечего скалить зубы».

Такова первая известная реплика Пушкина в его диалоге с окружающим миром. Она сохранится в памяти сестры Ольги, которая полутора годами старше брата.

А сам он в письме жене в 1834 году расскажет о первом историческом событии в собственной жизни: «Видал я трёх царей; первый велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку...» Имеется в виду Павел I. Вскоре после рождения сына Пушкины ненадолго перебрались в Петербург, где поселились в Соляном переулке. Няня Ульяна вела барчука на прогулку, и они случайно столкнулись с едущим верхом императором. Приключилось это незадолго до царевубийства, о котором Пушкин в 1817 году выскажется в оде «Вольность». Осудит и «увенчанного злодея», и заговорщиков, его задушивших.

До нас дойдут лишь небольшие наброски пушкинских автобиографических записок. Начатые им в 1821 году воспоминания будут сожжены в 1825 году после разгрома «несчастливого заговора», то есть декабристского вос-

стания. В 1834 году он наметит краткий план новой автобиографии, который останется неосуществлённым. Его лаконично обозначенные пункты да несколько страниц воспоминаний сестры Ольги, записанных с её слов в 1851 году мужем Николаем Ивановичем Павлищевым, — вот, собственно, все источники, по которым мы можем узнать что-то достоверное о первых двенадцати годах жизни Пушкина.

II

Гораздо богаче информация о его происхождении. Такой замысловатой и парадоксальной родословной не может похвастаться больше ни один русский классик. И Пушкин всегда был неравнодушен к своим корням, придавал им символическое значение, рассказывал о своих предках и стихами, и прозой. «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории», — с гордостью отмечает он в своих записках.

Пушкин считал, что его род, как и некоторые другие дворянские фамилии, происходит от прусского выходца Радши (или Рачи), приехавшего в Россию во времена Александра Невского. Историки уточняют: Радша (возможно, он был сербом) появился в Киевской Руси ещё в XII веке, а в Новгороде времён Александра Невского известны стали уже его потомки.

«Четверо Пушкиных подписались под грамотою об избрании на царство Романовых», — с гордостью отмечает поэт. Порой его рассказы о предках сопровождаются поэтическими вольностями и неточностями. «С Петром мой пращур не поладил / И был за то повешен им», — сказано в «Моей родословной». На самом деле Фёдор Матвеевич Пушкин за участие в Стрелецком бун-

те был обезглавлен, к тому же Александру Пушкину подлинным «пращуром» он не приходился, родство между ними не прямое.

Перечень реальных предков начинается с пушкинского прадеда Александра Петровича, который, как рассказывает поэт, «в припадке сумасшествия зарезал свою жену». Не менее «пылким и жестоким» оказался дед, Лев Александрович. В стихотворении «Моя родословная» поэт разрабатывает версию о том, что его дед во время дворцового переворота 1762 года выступил против Екатерины II, сохранил верность убитому Петру III и был посажен в крепость. Увы, это оказалось легендой: реального майора Льва Пушкина в 1763 году императрица пожаловала в «артиллерию подполковники».

По поводу семейной жизни Льва Пушкина внук писал, что первая его жена «умерла на соломе, заключённая им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую её связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на чёрном дворе». Отец поэта отрицал этот весьма сомнительный факт, однако имеются и другие свидетельства жестокости Льва Александровича. Натерпелась от него и вторая жена, бабка Александра Пушкина (Ольга Васильевна успела окрестить внука и вскоре умерла). Ревнивость как фамильная черта не случайно акцентируется Пушкиным в этих записках, относящихся к осени 1834 года.

Следующее поколение Пушкиных — это дети Льва Александровича и Ольги Васильевны, два сына и две дочери. Старший сын, Василий Львович, рано выйдет в отставку в чине гвардии поручика и станет известным литератором. Сергей Львович, будущий отец поэта, к 1798 году дослужится до майора.

III

Родословная матери, по словам Пушкина, ещё любопытнее. Её дед — Ибрагим (Абрам) Ганнибал, эфиоп по происхождению, княжеского рода. В качестве пленника он в младенчестве оказался в Константинополе. Русский посол, выкупив его вместе с другими арапчатами, отправил к Петру I. Мальчик был крещён, а после смерти Петра избрал себе фамилию Ганнибал. Стал военным инженером, достиг звания генерал-аншефа. Его судьба — отдельная глава российской истории.

«В семейственной жизни прадед мой Ганибал (одно «н» в оригинале. — *В. Н.*) так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин», — рассказывает поэт, подчёркивая тем самым, что сложная личная жизнь завещана ему как по русской, так и по африканской линии. Первая жена Абрама Ганнибала сошлась с подчинённым, родила белую дочь. Подверглась жестоким истязаниям мужа и в конце концов оказалась в монастыре. Вторая жена — Христина Шеберг — «родила ему множество чёрных детей обоего пола».

Один из четырёх сыновей, Осип Абрамович Ганнибал, служил во флоте, был капитаном второго ранга. В отличие от отца грешил супружеской неверностью и даже оказался двоежёнцем. Его законная супруга — Мария Алексеевна Пушкина. (Поэт ошибочно считал её племянницей своего деда Льва Александровича. На самом деле родство более отдалённое: дед Марии Алексеевны Фёдор Петрович Пушкин — брат пушкинского прадеда Александра Петровича, то есть она не племянница деда, а внучатая племянница прадеда. Так или иначе, два семейных клана — Пушкиных и Ганнибалов — уже пересекались в историческом прошлом.)

Изготовив фальшивое свидетельство о кончине Марии Алексеевны, Осип Абрамович женился в 1779 году на Устинье Толстой. Мария Алексеевна воззвала к императрице, которая восстановила справедливость, аннулировала новый брак и вернула обманутой жене дочь Надежду, будущую мать поэта. Тот же своего беспутного деда, скончавшегося в 1806 году, так и не увидел.

Старший брат Осипа Абрамовича — Иван Абрамович, выдающийся флотоводец, был человеком бессемейным и при этом достойным. Опекал и невестку, и племянницу, которую вывез в Петербург и благополучно выдал замуж за гвардейского офицера Сергея Львовича Пушкина (приходившегося невесте троюродным дядей).

Сергей Львович и Надежда Осиповна Ганнибал вступили в брак в 1796 году. Через год появилась на свет дочь Ольга, а в 1798 году глава семьи вышел в отставку. Пушкины переехали из Петербурга в Москву.

IV

Было ли детство Пушкина счастливым? Скорее нет, хотя до сих пор этот вопрос обсуждается учёными и литераторами. В конспективном плане пушкинской автобиографии, в нескольких строках о раннем детстве, звучат почти сплошь минорные ноты: «Первые неприятности»; «Мои неприятные воспоминания»; «Нестерпимое состояние».

Пункт «Гувернантки. Ранняя любовь» вызывал разные толкования, но сколько-либо достоверных фактов не обнаружено. Запись «Рождение Льва» связана с 1805 годом, а «Смерть Николая» — с летом 1807 года, когда шестилетний младший брат умер в Захарове — подмосковном имении бабушки Марии Алексеевны. Из восьми

детей Сергея Львовича и Надежды Осиповны зрелого возраста достигли трое: Ольга, Александр и Лев. Вслед за Николаем ещё четверо детей с 1809 по 1819 год скончались в младенчестве: Софья, Павел, Михаил и Платон.

«Охота к чтению» — вот очевидный просвет в туманно-тревожном конспекте детства. Пушкину не надо было приходить в литературу — он родился в ней. Книги окружали его с малолетства, книгам он скажет: «Прощайте, друзья» в последние минуты жизни. Уже в девять лет он читает гомеровские «Илиаду» и «Одиссею», «Сравнительные жизнеописания» Плутарха — всё во французских переводах. Кабинет отца полон французских книг, в том числе не предназначенных для детского чтения — они также вызывают у сына живейший интерес.

Сергей Львович сам пописывает стихи по-французски, любит декламировать. Старший его брат Василий Львович — настоящий стихотворец, печатается в журналах. Его главное произведение — непристойная поэма «Опасный сосед» — появится в 1811 году (её сюжет — драка в борделе). В 1816 году он напишет племяннику-лицеисту: «Ты сын Сергея Львовича и брат мне по Аполлону». Тот ответит стихами: «Нет, нет, вы мне совсем не брат, / Вы дядя мой и на Парнасе».

У отца и дяди немало знакомых литераторов, причём перворазрядных: Карамзин, Батюшков, Дмитриев, Жуковский. Ивана Ивановича Дмитриева даже прочат в женихи тётушке Анне Львовне, но дело как-то не складывается. С именем Дмитриева связан потешный эпизод. Иван Иванович, глядя на курчавого и смуглого Александра, восклицает: «Посмотрите, ведь это настоящий

арабчик!» На что мальчик тут же отвечает: «По крайней мере, отличусь тем и не буду рябчик». Все смеются, хотя намёк на рябоватость лица солидного гостя не безобиден. Пройдут годы, и литературные отношения Дмитриева и Пушкина нельзя будет назвать безоблачными: скажется почти сорокалетняя разница в возрасте. Дмитриев, верный старине, неприязненно встретит «Руслана и Людмилу», чего Пушкин не забудет — при всей внешней почтительности к литературному патриарху. В 1826 году Пушкин с Николаем Языковым сочинят цикл ехидных пародий на дмитриевские «Апологи в четверостишиях».

Родители Пушкина — люди непрактичные, небрежные в хозяйственных делах. Дом свой надлежащим образом вести не умеют, но при этом любят светское общение. Безупречному владению французским языком придают первостепенное значение. Первый воспитатель Ольги и Александра — эмигрант из Франции граф Монфор, затем его сменяет Русло. Немецкому языку Пушкин пытался учиться у дамы по фамилии Лорж, но не очень продвинулся. Как и в английском, который преподавала мисс Белли, гувернантка Ольги.

Важной частью образования почитаются танцы. Ольгу и Александра возят «на уроки танцевания» в дом Трубецких на Покровке (дом в Москве называют «комодом», а владельцев — «Трубецкими-Комод»), а по четвергам — на детские балы к знаменитому танцмейстеру Петру Андреевичу Иогелю. У Иогеля взрослый Пушкин потом найдёт себе невесту.

Приличные манеры прививаются порой жестокими способами. Заметив у Александра привычку тереть ладони одна о другую, Надежда Осиповна связывает ему

руки. Мальчик то и дело теряет платок — так этот платок пришивают к одежде, и ему приходится ходить в столь позорном виде. Временный результат достигается, но с этикетом, светскими ритуалами и стилем одежды у Пушкина будут проблемы всю жизнь.

Альтернатива домашней галломании — бабушка Мария Алексеевна, обучающая Ольгу и Александра русской грамоте. В её имении Захарово с 1805 года Александр проводит лето. Бывшая крепостная бабушки, получившая от неё вольную, — Арина Родионовна, осталась в доме Пушкиных в качестве няни. Пушкин к ней привязан, а со временем народные песни, сказки, присловья, услышанные от няни, найдут применение в его творчестве. Среди домашних учителей русского языка сестра поэта вспомнит некоего Шиллера и священника Александра Ивановича Беликова, преподававшего также Закон Божий и арифметику.

Сочинять Пушкин начинает по-французски. Придумывает небольшие пьесы, разыгрывает их перед сестрой Ольгой. Не обижается, когда та осмеивает комедию брата «Похититель». Тут же слагает самокритичную эпиграмму, которая в переводе на русский звучит так: «Скажи мне, почему “Похититель” / Освистан партером? / Увы, потому, что бедный автор / похитил его у Мольера». Кстати, «Похититель» так и останется единственным опытом автора в жанре комедии. При всей универсальности Пушкина, при всём обилии комизма в его поэмах, в его прозе и в знаменитом романе в стихах, — до комедии как таковой руки у него не дойдут.

Другой литературный учитель юного Пушкина — Вольтер. Следуя его примеру, он слагает целую поэму о карликах и карлицах. На беду гувернантка изымает

тетрадку со стихами и передаёт Шеделю, учителю французского, сменившему Русло. Тот, едва начав читать, раздражается смехом. Автор в слезах предаёт своё сочинение огню.

Разное детство бывает у писателей. Одни дорожат им, на его основе разворачивают свою художественную вселенную. «Счастливая, счастливая невозвратимая пора детства!» — воскликнет Лев Толстой. Другие всю жизнь навёрстывают упущенное в ранние годы. «В детстве у меня не было детства», — решительно отрежет Чехов.

У Пушкина — случай особенный. Он отдаст дань условно-поэтическому воспеванию малолетства. «Прелестный возраст миновался...» — читаем в «Послании к Юдину» (1815), а в ранней редакции стихотворения «К Дельвигу» (1817) находим строки:

С какою тихою красою
Минуты детства протекли...

С годами этот мотив уйдёт, однако на свою противоположность, на отрицание или осуждение детства не переменится. О своей жизни до 1811 года Пушкин предпочтёт молчать. Возможно, ему не захочется вспоминать о том, что уязвляло его самолюбие. В 1835 году, размышляя о мемуарах Байрона, он отметит: «Достоин замечания и то, что Байрон никогда не упоминал о домашних обстоятельствах своего детства, находя их унижительными». А с Байроном поэт себя сравнивал по многим причинам.

Из детства Пушкин выносит не сладостные воспоминания, но и не чувство тоски. Он выходит из ранней

своей поры с грузом противоречий, которые будет решать всю оставшуюся жизнь. В этом — источник развития, непрерывность поисков того, что он назовёт потом «самостояньем человека».

V

В начале 1811 года Сергей Львович и Надежда Осиповна едут в Петербург с намерением определить сына на учёбу. Сначала речь идёт о пансионе иезуитов, но Александр Иванович Тургенев, директор Департамента духовных дел, толкует об ином: «Лицей».

Слово греческое, так называлась роца возле храма Аполлона Ликейского в Афинах, где учительствовал философ Аристотель. В дальнейшем лицеями будут именовать средние учебные заведения, но сейчас это высшая школа для дворянских детей, которые станут государственными чиновниками. По статусу приравнивается к университету.

Поначалу планируется, что учиться там будут и великие князья — младшие братья императора. Потом от этого намерения откажутся, но Лицей тем не менее разместится в Царском Селе под Петербургом, в пристройке к дворцу.

Лицей будет либеральным. Прежде всего потому, что там нет телесных наказаний. Образование задумано широкое: Закон Божий, литература, история, право, языки: французский, немецкий, латинский. И математика тоже. Установка — на общее развитие, не на прикладные знания. Содержание лицеистов — на казённый счёт.

Сергей Львович пишет прошение на имя министра народного просвещения Разумовского. А в июле Алек-

сандра везёт в Петербург дядя Василий Львович, сопровождаемый своей гражданской женой Анной Николаевной. Живут они в гостинице, потом в частной квартире на Мойке близ Конюшенного моста. Совсем рядом с тем домом, где Пушкин с семьёй поселится четверть века спустя. В гости к дяде заглядывают Иван Дмитриев, Дмитрий Дашков, Дмитрий Блудов (оба — будущие основатели общества «Арзамас», куда вступят дядя и племянник Пушкины).

Александр проходит медицинский осмотр, сдаёт экзамены. Их, кстати, выдерживают не все претенденты. В списке прошедших отбор под номером 14 значится «Александр Сергеевич Пушкин. Ветрен и легкомыслен, искусен во французском языке и рисовании, в арифметике ленится и отстаёт».

Двадцать второго сентября Александр I утверждает список лицеистов общим числом 30 человек.

Они съезжаются. Облачаются в форменные сюртуки, получают сапоги, ботфорты, шляпы-треуголки (со временем они сменяются фуражками). Иные довольны, поскольку дома приличной одежды не имели. Директор Лицея — добродушный Василий Фёдорович Малиновский репетирует в зале будущий церемониал торжественного открытия.

Наступает четверг, 19 октября 1811 года. В Екатерининском дворце — торжественное открытие Лицея. Акция проходит на высшем уровне. Император с семьёй. Первые лица государства: тут и либеральный Сперанский, и свирепый Аракчеев. После освящения Лицея начинается торжественный акт. Директор Малиновский свою тщательно подготовленную (не сам писал) речь зачитывает тихо и невыразительно. Зато отличается 28-

летний Александр Куницын, профессор нравственных и политических наук. Говорит об обязанностях гражданина — не по бумажке, темпераментно и от души. Ни разу не упоминает его величества. Царь не обидится, а наоборот: орден потом пожалует оратору.

Каждого из воспитанников вызывают по списку и удостоивают чести лично поклониться императору. После чего высокие гости отправляются осматривать помещение Лицея. Для них министр Разумовский учиняет роскошное угощение (история сохранила цифру бюджета этого «ВИП-стола» — 11 тысяч рублей). У педагогов — стол скромнее в одной из классных зал. Лицеистов потчуют супом с пирожками.

Завершается день иллюминацией, а лицеисты играют в саду в снежки. Той осенью снег выпал уже на Покров.

Пушкин живёт в комнате номер четырнадцать. Рядом, в тринадцатом номере, Иван Пущин, с которым они сдружились ещё в Петербурге, до приезда в Царское Село. В конце октября у Пушкина появляется младший брат Михаил, которому суждено прожить совсем недолго (как и родившемуся годом раньше и вскоре умершему Павлу). 21 января 1812 года в Царское Село приедет навестить сына Надежда Осиповна с Ольгой и Львом. Родственники к нему будут наезжать, а сам он надолго останется в Царском Селе.

Его дом теперь — Лицей.

Здесь он свой, но не вполне. Кличка его — Француз. Так оценены полученные в родительском доме сво-

бодное владение языком и отменное знание французской словесности.

Пушкину не суждено сделаться здесь лидером, «премьером». Вокруг него не будут роиться товарищи. В декабре 1811 года лицеисты составляют своеобразный рейтинг — список тринадцати наиболее «успешных» из них. Пушкин в перечень избранных не попадает (и тут его номер — четырнадцатый). Судьба права в том, что не балует ранним признанием: настоящие литературные гении не бывают вундеркиндами.

Успехом как стихотворец в Лицее поначалу пользуется Алексей Илличевский — Олёсенька, так его зовут товарищи. Пишет аккуратно, «как надо». Пушкин особенной ревности не испытывает. Ему, как ни странно, важнее отличиться в умении бегать, прыгать через стулья, бросать мячик. Вот если в этом его превзойдут, если кто-то одним ударом положит все кегли — Пушкин может впасть в бешенство.

Литературная самодеятельность цветёт в Лицее пышным цветом — несмотря на попытки запрета, предпринятые начальством. Многие пишут стихи, изготавливают рукописные журналы (сам Пушкин за компанию с Дельвигом и Корсаковым издаёт «Неопытное перо»).

Иван Иванович Мартынов, директор Департамента народного просвещения, занимаясь с лицеистами русской и латинской словесностью, поощряет их к сочинительству. Профессор Кошанский как-то после лекции предлагает слушателям описать стихами розу — и Пушкин тут же выдаёт два четверостишия, которые всем нравятся.

Стихосложение постепенно становится его страстью, а учение не особенно захватывает. В сводной «табели»

об успехах, прилежании и даровании тридцати лицеистов с 23 октября 1811 года по 19 марта 1812-го, где на первых шести местах Вольховский, Горчаков, Илличевский, Пущин, Есаков и Малиновский, у Пушкина скромное семнадцатое место. А в ноябре он опустится на двадцать третье.

Преподавателю математики Карцову на вопрос: «Чему равняется x ?» — Пушкин с улыбкой отвечает: «Нулю». Тот в конце концов машет на ученика рукой. Никто из профессоров не даёт об этом лицеисте одобрительных отзывов. Отмечают «понятливость», «остроумие», «вкус», но все как один корят за недостаток прилежания и трудолюбия. Даже Куницын, лекции которого Пушкин слушает с интересом, полагает: «Он способен только к таким предметам, которые требуют малого напряжения...»

Странно, конечно. Много лет спустя Пушкин сам не раз выскажется о трудолюбии как необходимом условии творчества. Про своего героя Онегина он с лёгкой иронией напишет: «Хотел писать, но труд упорный / Ему был тошен. Ничего / Не вышло из пера его...» Тружеником Пушкин станет, да ещё каким! Но начинается искусство всё-таки, наверное, не с прилежания, а с большой страсти.

По сердечному влечению складываются у юного Пушкина и дружеские связи. Иван Малиновский, директорский сын, отличается драчливостью и носит кличку Казак. Иван Пущин тоже не лишён резвости, однако в целом рассудителен и серьёзен. Не пишет стихов, что редкость. А барон Антон Дельвиг, напротив, натура сугубо поэтическая и притом томно-ленив. Вот такие непохожие друг на друга отроки становятся короткими приятелями Пуш-

кина. Он и в дальнейшем будет сближаться с людьми самыми разными, вбирать в себя их психологическое своеобразие и житейский опыт.

VI

В ночь с 11 на 12 июня 1812 года французские войска переходят через Неман и вторгаются в пределы России. 17 июня известие об этом доходит до Петербурга.

Лицеисты уже видели весной русские полки, проходившие через Царское Село в сторону западных границ. Теперь слово «война» входит в их детское сознание. Для начала они затевают игру в войну, назначив Илличевского генералом. А по воскресеньям в Лицей привозят официальные реляции, которые Кошанский оглашает в зале. Лицеисты обсуждают происходящее с профессорами, усердно читают в библиотеке русские и иностранные журналы.

Гувернёр Иконников сочиняет пьесу на военную тему — «Роза без шипов». Лицеисты играют ополченцев. Министр Разумовский этим недоволен и выговаривает директору Малиновскому. Между тем шесть дружин настоящих ополченцев проходят через Царское Село. Становится известно, что Москва оставлена русскими войсками (семья Пушкиных уже выехала заблаговременно в Нижегородскую губернию). Проводив ополченцев, а также гродненских гусар и улан Польского полка, лицеисты в негодовании бросают под столы французские учебники.

Обсуждается вопрос об эвакуации в город Або (ныне финский Турку). Но до этого дело не доходит. Наполеон оставляет Москву. В воскресенье, 20 октября, Лицей впервые празднует годовщину основания. «Товарищеская семья», как назовёт её потом Пущин, сложилась.

VII

И скрепляют эту семью дух вольнолюбия, развитое чувство собственного достоинства. Сильно донимает юношей инспектор Мартын Пилецкий — надзиратель «по учебной и нравственной части». То и дело неуважительно говорит о родителях лицеистов. Склонен собирать на учащихся, говоря современным словом, компромат. Делает записи типа: «Во время обеда г. Пушкин начал громко и насмешливо говорить, что Вольховский меня боится оттого, чтобы не потерять доброго своего имени, а мы, говорит, шалуны, его увещеваниям смеёмся».

Младший брат Пилецкого, Илья, служит гувернёром. Однажды он отнимает у Дельвига «бранное на г. инспектора сочинение». Пушкин вспыхивает: «Как вы смеете брать наши бумаги — стало быть, и письма наши из ящика будете брать».

Однажды, в марте 1813 года, лицеисты, собравшись в зале, требуют от Пилецкого, чтобы он покинул Лицей. Иначе они сами подадут прошения об уходе. Мелкий тиран вынужден сдаться. Много лет спустя, составляя план автобиографии, Пушкин отметит как важное событие: «Мы прогоняем Пилецкого».

Пушкину 14 лет. Летом вместе с другими лицеистами он оказывается в крепостном театре графа Варфоломея Васильевича Толстого. На сцене — актриса Наталья. Талантом особенным она не блещет, но женской красотой прельщает Пушкина. По всей видимости, именно ей присвоит потом он почётное имя «Наталья I» в своём полушутливом «Донжуанском списке». А написанное тем летом стихотворение «К Наталье» останется самым ранним из известных произведений поэта.

Это, конечно, лёгкая литературная игра. Автор становится в позу некоего женоненавистника, который смеялся над прекрасным полом, а теперь «сам попался»:

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонён,
В первый раз ещё, стыжуся,
В женски прелести влюблён.

В конце стихотворения автор именуется монахом. На том же творческом импульсе принимается он за поэму «Монах», подражая Вольтеру как автору скабрёзной «Орлеанской девственницы». По написании трёх песен чопорный Горчаков советует Пушкину прекратить рискованное сочинительство. Поэма сохранится в горчаковском архиве, где исследователи её найдут только в 1928 году.

Вот и определились две главные пушкинские страсти, две линии его судьбы. Любовь к женщине и любовь к творению. Женская красота и красота поэтического слова — это концентрация жизненности. А Пушкин станет прежде всего поэтом жизни как таковой.

Пока же он пробует жизнь на вкус, играет в любовь и ищет слова для её воспевания.

VIII

Двадцать третьего марта 1814 года умирает директор Лицея Василий Фёдорович Малиновский. Для Пушкина это сердечная потеря. После похорон в Петербурге Иван Малиновский и Пушкин дают друг другу клятву в верной дружбе. В Лицее два года будет длиться «междоусобица», а потом явится новый директор — Егор Антонович Энгельгардт.

С апреля при Лицее открыт Благородный пансион, куда поступает брат Александра Лев. Главное же событие этого года — пушкинский литературный дебют. Послание «К другу стихотворцу» обращено, по видимости, к чудаковатому долговязому Вильгельму Кюхельбекеру («Кюхле»), над которым подшучивают товарищи, да и сам Пушкин не прочь ужалить его эпиграммой. Речь в стихотворении идёт о тяжёлой участи поэта. Замысел, естественно, почерпнут из книжных источников.

Пушкин шлёт стихи без подписи в журнал «Вестник Европы». Издание престижное, основанное в 1802 году Карамзиным. Там публикуются практически все поэты первого ряда. Дельвиг отправляет туда же свою оду «На взятие Парижа» — её ввиду злободневной темы публикуют первой. Редактор Владимир Измайлов (имя первого пушкинского публикатора достойно нашей памяти) справляется об имени автора, а поскольку лицеистам печататься не позволено, то «К другу стихотворцу» помещается в тринадцатом номере, 3 июля, с шифрованной подписью «Александр Н. к. ш. п.» (то есть согласные буквы фамилии в обратном порядке). Начало тернистому пути положено.

Осенью того же года Пушкин с ближайшими друзьями попадает в прескверную историю. Он, Малиновский и Пущин в так называемый «табельный день» (именины императрицы и отсутствие занятий) готовят «гогель-могель» из рома, яиц и сахара. Угощают товарищей. Забава оборачивается скандалом. Доходит аж до министра. Дядька Фома, купивший ром, сразу уволен, а юные эпикурейцы через месяц с лишним приговорены к двухне-

дельному стоянию на коленях за утренней и вечерней молитвой и к сидению на последних местах за столом. Память Пущина сохранила пушкинский экспромт, сочинённый «на мотив» одного стихотворения Дениса Давыдова — как бы от имени Малиновского:

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон.

«Блажен муж иже сидит к каше ближе», — острит Пушкин, сидя на «штрафном» месте за столом, а в «Вестнике Европы» примерно в эти же дни опубликовано уже пятое его стихотворение — «Блаженство». Подпись под ним: «1... 14—16». Буквы заменены цифрами, соответствующими их местам в алфавите, то есть «А... Н-П». «А» — Александр. «Н-П» — перевернутое «Пушкин». Недолго осталось ждать того момента, когда имя юного поэта будет рассекречено.

Его уже признают отец и дядя. «Посмотрите, что будет из Александра», — говорит Василий Львович знакомым.

IX

Александр Иванович Галич, молодой профессор, получивший образование в Германии, с мая 1814 года заменяет заболевшего Кошанского. Живёт в Петербурге, приезжает в Лицей на лекции. На дружеской ноге с воспитанниками, не прочь с ними вместе повеселиться.

Он советует Пушкину написать для предстоящего переводного экзамена «Воспоминание в Царском Селе». Сказано — сделано. В ноябре готово вдохновенное по-

вестование о российской истории. Начинается оно с царскосельского пейзажа, с живой эмоциональной ноты:

И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывёт в серебристых облаках.

Восьмое января 1815 года может считаться днём рождения пушкинской славы. Пушкин читает своё стихотворение на экзамене в присутствии приглашённого на торжественный акт патриарха российской поэзии Гаврилы Романовича Державина, который упомянут юным поэтом в строках:

Державин и Петров героям песнь бряцали
Струнами громкозвучных лир.

Этот момент будет потом описан Пушкиным дважды. Один раз — поэтически, в восьмой главе «Евгения Онегина», где повествуется об отношениях автора с его музой:

И свет её с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И, в гроб сходя, благословил.

Гаврила Романович уйдёт из жизни ровно через полтора года после сего события. Пушкинские строки станут легендарными, и выражение «старик Державин» будет в русском языке означать авторитетного литературного наставника, оказывающего поддержку дебютанту.

Второе описание — в уцелевшем фрагменте сожжённых воспоминаний. В последние годы жизни Пушкин

переписал его и вложил в свой рукописный сборник с английским названием «Table-Talk»:

«Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы взволновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую “Водопад”. Державин приехал. Он вошёл в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: “Где, братец, здесь нужник?” Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил своё намерение и возвратился в залу».

Державинский вопрос о нужнике также войдёт в число популярных у интеллигенции цитат. Его будут вспоминать с целью «сбить пафос». Прочтём, однако, что идёт далее:

«Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш очень его утомил. Он сидел, подперши голову рукою. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвислы; портрет его (где представлен он в колпаке и халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. Тут он оживился, глаза заблестали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочёл мои “Воспоминания в Царском Селе”, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отроческий зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, когда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...»

Семнадцатого апреля 1815 года «Воспоминание в Царском Селе» публикуют в журнале «Российский музей» за полной подписью Александра Пушкина.

1816 год ознаменован чередой личных знакомств Пушкина с ведущими русскими поэтами. В феврале, когда он лежит больной в лазарете, его навещает Константин Батюшков. В марте, в день Благовещения, среди множества посетителей Лицея — Карамзин и Вяземский. Оба видели Александра ребёнком в родительском доме, а теперь общаются с ним как с поэтом.

В мае или июне происходит встреча с Василием Андреевичем Жуковским, который станет для Пушкина и учителем, и другом, и защитником на все оставшиеся 20 лет с половиной.

А вдохновительницей любовной лирики становится в это время двадцатилетняя Екатерина Бакунина, сестра лицейского товарища, будущая фрейлина. Ею увлечены также Пущин и Малиновский. О каких-либо реальных отношениях, естественно, и речи нет. Но стихи появляются, поэтическое мастерство набирает силу.

Возникают и первые авторские трудности. Весной 1816 года Пушкин отправляет в «Вестник Европы», где он удачно дебютировал, три стихотворения, в том числе «Гроб Анакреона». Но в журнал вернулся после болезни прежний главный редактор — Михаил Каченовский. Он не печатает ничего из предложенного. Пушкин ему этого не простит. Каченовский станет постоянной мишенью его эпиграмм, на редкость беспощадных и язвительных. «Клеветник без дарованья» — не самое резкое из выражений по адресу редактора «Вестника Европы». В 1825 году Пушкин в саркастической форме возложит на него ответственность за состояние всей отечественной литературной периодики:

Словесность русская больна.
Лежит в истерике она
И бредит языком мечтаний,
И хладный между тем зоил
Ей Каченовский застудил
Течение месячных изданий.

Х

Егор Антонович Энгельгардт, в марте 1816 года пришедший в Лицей директором, неплохо справляется со своими обязанностями. Он расположил к себе большую часть лицеистов. Между прочим, сдал в архив документы о пресловутой истории с «гогелем-могелем», чтобы эпизод не отразился на судьбе фигурантов этого дела.

Но с Пушкиным у него отношения не заладились. В личных записях, сделанных по-немецки, директор так аттестует юного поэта: «Его сердце холодно и пусто; в нём нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда ещё не бывало юношеское сердце».

Откуда такая запальчивая категоричность? Холодность сердца — это совсем не про Пушкина. Чем-то этот юноша раздражает людей рационального склада, и они приписывают ему бесстрастность. И ещё одно симптоматичное обвинение: «Он основывает всё на поэзии и с любовью занимается всем, что с этим непосредственно связано». Через 100 лет, во времена Серебряного века, страстная преданность поэзии как таковой не будет считаться грехом. Да и в наши дни тоже. Это потому что Пушкин отстаивал престиж поэзии, право человека быть поэтом — и только. Не для себя — для следующих поколений.

Энгельгардт, впрочем, защищает Пушкина, когда тот попадает в неприятную историю. Пушкин увлечён Наташей — горничной фрейлины Волконской. Застав красавицу в тёмном дворцовом коридоре, бросается её целовать — а это, оказывается, сама немолодая княжна Волконская. Скандал. Дело доходит до государя — и тут за лицеиста вступается директор. Царь благодушно спускает дело на тормозах, говоря с улыбкой: «Между нами, старушка, быть может, в восторге от ошибки молодого человека».

В одном из «китайских» домиков Царского Села проводят лето Карамзины.

Николай Михайлович достаивает Пушкина серьёзных бесед, однажды читает ему предисловие к «Истории государства Российского». Пушкин запоминает с точностью до слова и, вернувшись в свою келью, записывает для себя заветный текст.

В доме Карамзиных он знакомится с гусарским корнетом Петром Чаадаевым — храбрецом, участником Бородинской битвы и многих иных сражений. Чаадаев мыслит независимо и парадоксально, отныне Пушкин будет пребывать с ним в постоянном диалоге.

С подачи Карамзина Пушкин получает заказ на придворную оду. Предстоит венчание великой княгини Анны Павловны с принцем Оранским. Пожилой вельможа Юрий Александрович Нелединский-Мелецкий сам с этой задачей справиться не в состоянии. Приехав в Лицей, он излагает Пушкину тему и через час или два получает вполне приличный текст из восьми строф. С небольшими поправками эти стихи, положенные на музыку, исполняются на балу в Павловске. Императрица Мария Фёдоровна присылает юному

поэту в подарок золотые часы с цепочкой. Он этой наградой, однако, нимало не гордится. Ходили слухи, что эти часы он нарочно разбил о каблук. В черновом тексте одного стихотворения будет сказано: «Простите мне мой страшный грех, поэты, / Я написал придворные куплеты».

В дом Энгельгардта приезжает его родственница французенка Мария Смит. Пушкин начинает за ней ухаживать и сочиняет стихи «К молодой вдове», где позволяет себе в мечтах зайти весьма далеко:

Нет, завистливый ревнивец
Не придет из вечной тьмы.
Тихой ночью гром не грянет,
И разгневанная тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

Статуя Командора к юному Дон Жуану не является, но отношения его с директором Лицея после таких стихов лучше не становятся.

XI

В канун нового, 1817 года лицеистов впервые отпускают домой на рождественские каникулы. Пушкин проводит их у родителей в Петербурге. Сергей Львович вскоре уходит в отставку в чине пятого класса.

По возвращении в Царское Село Пушкин принимается переписывать все свои стихи в тетрадь. Ему помогают товарищи. Всего в этой лицейской тетради 41 стихотворение (потом тетрадь будет передана Жуковскому, и тот выскажет автору свои замечания; Пушкин и

сам внесёт в текст немало поправок). Тогда же Александр начинает писать большую поэму со сказочным сюжетом — «Руслан и Людмила».

Всё чаще он бывает у Карамзиных. Николай Михайлович к нему строг, то и дело журит за ветреность. А его 36-летняя супруга Екатерина Андреевна, мудрая и женственная, добра к юному поэту. Он тянется к ней — может быть, потому, что дома недополучил материнской ласки. Эта тяга, однако, переходит границы почтительности, и Александр пишет Екатерине Андреевне любовную записку. Та показывает её мужу, который делает серьёзное внушение незадачливому поклоннику жены. Александр доведён до слёз, но всё улаживается, и его дружба с Карамзиными продолжается.

Обретая самостоятельность мышления, Пушкин сможет критически посмотреть на Карамзина как историка. Вскоре он сочинит эпиграмму:

В его «Истории» изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

Это не отречение и не измена старшему другу. Это просто ещё одна точка зрения. И она в какой-то степени и положила начало литературному соперничеству. Трепетная почтительность по отношению к авторитетам — это не про Пушкина.

За два дня до выпускного акта выходит высочайшее указание: выплачивать окончившим Лицей жалованье до устройства их на вакантные должности.

Тем, кто удостоен девятого класса, то есть титулярным советникам — из расчёта 800 рублей в год. Коллежским же секретарям — Пушкину в том числе — 700 рублей в год.

Девятого июня во время торжественной церемонии в Лицее Александр I лично вручает выпускникам медали и похвальные листы и произносит отеческое наставление. Лицеисты хором исполняют «Прощальную песню», написанную Дельвигом. Директор просил сочинить Пушкина, но тот уклонился. Он читает на выпускном акте своё стихотворение «Безверие».

На следующий день Пушкин и шесть его товарищей определяются на службу в Коллегию иностранных дел. 11 июня Александр выезжает из Царского Села в Петербург. Живёт вместе с родителями и сестрой в доме на Фонтанке у Калинкина моста (ныне № 185). У него тесная комната окнами во двор — «мой угол тесный и простой», как будет сказано в одном его стихотворном послании («Я ускользнул от Эскулапа...», 1819).

Служебная присяга принесена, но Пушкин не слишком усердствует в коллегии. Уже в начале июля он берёт отпуск: надо ехать в Псковскую губернию для приведения в порядок домашних дел. Александр отправляется в село Михайловское — вместе с родителями, сестрой и братом. Семь лет спустя он напишет по этому поводу: «Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но всё это нравилось мне недолго. Я любил и доньне люблю шум и толпу...»

Позже в первой главе «Евгения Онегина», однако, он припишет такое настроение герою, а себя представит любителем сельской тишины:

Цветы, любовь, деревня, праздность,
Поля! Я предан вам душой.
Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной...

Есть ли в этом противоречие? Не совсем. Просто Пушкин может быть разным.

Неподалёку от Михайловского находится Петровское, усадьба Петра Абрамовича Ганнибала — одного из сыновей «арапа Петра Великого», дяди Надежды Осиповны. Пушкин навещает Петра Абрамовича, о чём также потом вспомнит в Михайловском в ноябре 1824 года: «...Попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда. Принесли... Кушанья поставили...»

Примерно в это же время Пушкин навещает соседнее село Тригорское и знакомится с семейством Прасковьи Осиповой. Тригорское станет для него почти родным домом, где он найдёт ту тёплую семейную атмосферу, которой ему не хватало прежде. Да ещё и стихию веселья, лёгкого непринуждённого флирта.

Самой Прасковье Александровне 35 лет. Она была замужем за отставным коллежским асессором Николаем Ивановичем Вульфом. Четыре года назад овдовела, оставшись с тремя сыновьями (старшему, Алексею, пока одиннадцать; когда подрастёт и поступит в Дерптский университет, станет Пушкину приятелем) и двумя дочерьми. Старшая из них — Анна Вульф, ровесница

Пушкина, будет всерьёз увлечена соседом-поэтом, в конце концов семейного счастья она так и не обретёт. Младшая — Евпраксия, «Зизи» — под этим домашним именем она попадёт в пятую главу «Евгения Онегина», ей же будет адресовано бессмертное восьмистишие «Если жизнь тебя обманет...». Она тоже будет увлечена Пушкиным, но без драматических последствий. Словно следуя стихотворному пожеланию, в 22-летнем возрасте Евпраксия выйдет замуж и будет именоваться баронессой Вревской.

Прасковья Александровна стала Осиповой, вступив в брак с отставным статским советником, служившим по почтовому ведомству. В её доме воспитывается падчерица Саша Осипова, а до следующего приезда Пушкина в Михайловское и Тригорское многодетная соседка успеет родить ещё двух дочерей — Марию и Екатерину. Обе будут в 1837 году вместе с матерью провожать поэта в последний путь.

В 1824 году Пушкин познакомится с ещё одной представительницей осиповского клана, тоже Анной Вульф, по отчеству Ивановной, племянницей Прасковьи Александровны. В стихах и письмах Пушкина она фигурирует как Netty. Без её упоминания не обойтись, поскольку в знаменитый «Донжуанский список», составленный Пушкиным в 1829 году, войдут целых четыре имени из вышеупомянутых. Это «Евпраксея», две Анны (обе Вульф, одна — Николаевна, другая — Ивановна) и Александра (Осипова, впоследствии Беклешова). Все оставили след в душе поэта, при том что отношения с ними были, конечно, платонические. Это важно подчеркнуть, поскольку в наше время выражение «донжуанский список» порой понимают как перечень мужских сексуаль-

ных побед. Этому отдал дань даже Иосиф Бродский, бравировавший тем, что вдвое превзошёл пушкинский результат. Однако Пушкин не включал в свой список тех многочисленных «прелестниц», с которыми у него были сугубо телесные контакты.

До отъезда Пушкин успевает ещё во время танцев на вечере (в Михайловском или Петровском) проявить внимание к некоей девице Лошаковой и даже поссориться из-за неё со своим дядей Семёном Исааковичем Ганнибалом. Чуть до дуэли дело не доходит.

Семнадцатого августа Пушкин пишет стихотворение «Простите, верные дубравы!..», в конце которого сказано:

Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

В следующий раз он посетит Тригорское через семь лет и ситуация будет совершенно иной.

XII

По возвращении в Петербург Пушкин пылко отдаётся всем впечатлениям бытия.

Наконец он встречается с товарищами по «Арзамасу» — литературному кружку, возникшему в октябре 1815 года и объединившему писателей-новаторов, споривших со староверами из «Беседы любителей русского слова» во главе с адмиралом Шишковым (тем самым, что предлагал галоши назвать «мокроступами»). «Арзамасское общество безвестных людей» — таково полное название литературной группы, которую осно-

вали шесть человек (Сергей Уваров, Дмитрий Блудов, Александр Тургенев, Василий Жуковский, Дмитрий Дашков и Степан Жихарев). В дальнейшем состав «Арзамаса» увеличится до двадцати одного человека.

«Шишковисты» серьёзны и солидны. «Карамзинисты», собравшиеся в «Арзамасе», наоборот, веселятся. Шутейные заседания и в конце ужин, на который непременно подаётся гусь. Каждый вновь вступающий в «Арзамас» проходит шуточный ритуал посвящения (похожий на масонский) и получает кличку по названию или первому слову какой-нибудь баллады Жуковского. Сам Жуковский, секретарь общества, зовётся Светланой, Батюшков — Ахиллом, Вяземский — Асмодеем, Александр Тургенев — Эоловой арфой. Дмитрий Дашков именуется «Чу!», а Василий Львович Пушкин получает имя Вот.

Его племянник с самого начала был проникнут «арзамасским» духом. Ещё в декабре 1815 года он сочиняет изощрённую эпиграмму на триумvirат лидеров «Беседы»:

Угрюмых тройка есть певцов —
Шихматов, Шаховской, Шишков,
Уму есть тройка супостатов —
Шишков наш, Шаховской, Шихматов,
Но кто глупей из тройки злой?
Шишков, Шихматов, Шаховской!

Обществу осталось жить недолго, но Сверчок (такое имя заочно присвоено Пушкину) всё-таки успевает соединиться с литературными единомышленниками. Сохранится набросок стихотворной речи, которую он написал в канун единственного заседания, на котором ему довелось присутствовать:

Венец желаниям! И так, я вижу вас,
О други смелых муз, о дивный Арзамас!

Другая компания собирается в доме Александра и Никиты Всеволожских на Екатерингофском проспекте. Это общество именуется «Зелёная лампа». Зелёный — цвет надежды. «Зелёной книгой», кстати, называется устав Союза благоденствия, в 1818 году созданный будущими декабристами. Среди собирающихся под зелёной лампой — Антон Дельвиг, Фёдор Глинка, Сергей Трубецкой. Председательствует Яков Толстой, участник войны 1812 года, любитель искусств. Дискуссии обычно завершаются ужином. За столом среди прочих — юный калмык. На отпущенное кем-нибудь «пошлое красное словцо» он неизменно реагирует скептической улыбкой. Решено сделать его своего рода цензором. Услышав грубое слово, он должен подойти к тому, кто его произнёс, и сказать: «Здравия желаю!»

Как напишет потом Яков Толстой: «Пушкин ни разу не подвергался калмыцкому обычаю “здравия”. Он говорил: “Калмык меня балует, Азия протезирует Африку”». Сам же Пушкин вскоре обратится к Я. Толстому со стихотворным посланием («Горишь ли ты, лампада наша...»), которое закончит словами:

Налейте мне вина кометы,
Желай мне здравия, калмык!

В деятельности «Зелёной лампы» гармонично совмещаются вольнодумные политические разговоры, чтение стихов, споры о театральных новинках и субботние встречи с «прелестницами».

ХІІІ

Стихия чувственного наслаждения всё более властно захватывает юного Пушкина. Старшие его друзья этим озабочены. В сентябре 1818 года Александр Тургенев пишет Вяземскому в Варшаву: «Пушкин по утрам рассказывает Жуковскому, где он всю ночь не спал; целый день делает визиты, а ввечеру играет в банк».

Иногда нравственные опекуны поэта даже радуются, когда злая горячка сводит его в постель: авось продолжит писание «Руслана и Людмилы». Но летом 1819 года все тревожатся не на шутку. И радуются, когда опасность миновала. «Пушкин спасён музами», — пишет Карамзин Дмитриеву в Москву, а тот за обедом у Василия Львовича празднует с дядей выздоровление племянника.

Пушкин в шутливых посланиях оправдывает свою «леность», отдавая любовным утехам решительное предпочтение перед литературными трудами:

Поэма никогда не стоит
Улыбки сладострастных уст.

Так заканчивается стихотворение «Тургеневу» 1817 года. Частая тема в дружеских посланиях и экспромтах — воспоминание о разгульной жизни. «Заздравный кубок и бордель» воспеваются в послании к улану Фёдору Юрьеву, товарищу по «Зелёной лампе». Петру Каверину (тому самому, которого Пушкин обессмертит упоминанием в первой главе «Евгения Онегина») адресуется в мае 1819 года стихотворное воспоминание об одном «весёлом вечере»:

Мы пили — и Венера с нами
Сидела преля за столом.

Ну, это стихи шуточные, а вполне серьёзное оправдание эпикурейства звучит в стансах, адресованных Якову Толстому. Пушкину сейчас не по пути с нравственными стойками и аскетами, он за «легкокрылую любовь и легкокрылое похмелье». Молодости созвучна гедонистическая, «наслажденческая» философия:

До капли наслажденье пей,
Живи беспечен, равнодушен!
Мгновенью жизни будь послушен,
Будь молод в юности твоей!

И самое, быть может, главное здесь — абсолютная естественность автора. Разгулу он предаётся не из подражания, не из амбиции, а по внутреннему побуждению. «Разврат, бывало, хладнокровный, наукой славился любовной», — будет сказано потом в «Евгении Онегине». Пушкину хладнокровие отнюдь не свойственно. Его кровь горяча, и эта страстность располагает к нему женщин:

Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний.

«Потомок негров безобразный», — дерзко аттестует он себя в том же стихотворении, а ещё более дерзкая строка — «Любви не ведая страданий».

Есть такая жизненная стихия, как упоение телесной близостью вне любви, чувственное наслаждение без

сердечной привязанности (в современном языке этому соответствует выражение «заниматься сексом»), и Пушкин проходит испытание этим соблазном.

Страсть без любви — есть в жизни такая краска, и художнику, рисующему жизнь, собственный опыт может пригодиться. А подлинными любовными страданиями Пушкин обделён не будет.

XIV

И политическое вольнодумство для Пушкина — тоже страсть.

Он часто бывает у братьев Александра и Николая Тургеневых в их доме на набережной Фонтанки. Друзья Николая — завзятые либералы, ведут смелые разговоры.

Из окна — вид на пустующий Михайловский замок, где император Павел был задушен заговорщиками. И вот кто-то предлагает Пушкину сложить стихи на эту тему. Поэт удаляется в комнату Николая, и вскоре ода наполовину готова. А наутро он приносит хозяину полный текст. Ода, названная по примеру Радищева «Вольность», будет распространяться в рукописных копиях (этот способ в XX веке назовут «самиздатом») и принесёт автору опасную известность. А напечатает её в 1856 году Герцен в альманахе «Полярная звезда» — в Лондоне (то есть, говоря языком позднейшего времени, в «тамиздате»).

«Вольность», в цензурном отношении «непроходимая», всё-таки прямых революционных призывов не содержит. Идеал здесь — сочетание Свободы и Закона, которому должны подчиняться и народы, и цари. Более решительно звучит написанное в 1818 году послание «К Чедаеву» («К Чаадаеву») с дерзким финалом:

...Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена.

В том же 1818 году Пушкин откликается на возвращение Александра I из европейской поездки крамольным «ноэлем» («Noël» — «рождественская песенка»), где уже первые строки — явная крамола:

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот...

«Деспот» (с ударением на втором слоге) — явный вызов. А все конституционные обещания царя названы «сказками».

Тем не менее в 1819 году пишется «Деревня», где на императора возлагается надежда как на возможного освободителя крестьян:

Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый
И Рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством Свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная Заря?

Александр I эти стихи доставляет князь Васильчиков, у которого Чаадаев служит адъютантом. Прочитав, царь говорит: «Поблагодарите Пушкина за благородные чувства, вдохновляющие его стихи» (по другой версии: «за добрые чувства, которые пробуждают его стихи»).

Какой-либо стройной политической программы у Пушкина пока нет. Зато — темперамент. После Лицея до

1820 года он почти не пишет любовных стихов — кроме разве что двух лирических миниатюр, адресованных условной Дориде и не имеющих ничего общего с реальными утехами автора.

А гражданские эмоции поэта так же искренни и неподдельны, как и его эротические приключения. Это чувствуют его друзья и даже шутят на сей счёт, приравнивая политические «грехи» к амурным. Александр Тургенев пишет Вяземскому в августе 1819 года, что не надо судить Пушкина «за его “Оду на свободу” и за две болезни не русского имени».

XV

Страстность и непредсказуемость пушкинской натуры особенно отчётливо выражаются в его склонности к сочинению эпиграмм и к дуэлям («У г. Пушкина всякий день дуэли; слава Богу, не смертоносные, так как противники остаются невредимы», — пишет в марте 1820 года Е. А. Карамзина Вяземскому).

Это не случайно: удачная эпиграмма поражает соперника как выстрел. А иногда и служит поводом к поединку.

Как-то Жуковский объяснял друзьям, почему его не было на одном званом вечере. Что-то про расстройство желудка, про слугу Якова и про неожиданный приход Кюхельбекера. В общем, сущие пустяки. А у Пушкина всё это соединилось в четверостишие:

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно —
Так было мне, мои друзья,
И кюхельбекерно, и тошно.

Услышав эту дружескую шутку, Кюхельбекер вызывает Пушкина на дуэль. Стреляет первым и промахивается. Пушкин от выстрела отказывается, дело заканчивается примирением.

Иное дело — с эпиграммами на «больших людей». На острый язык Пушкину попадает, например, граф Аракчеев с его девизом на гербе «Без лести предан» и свирепой фавориткой Настасьей Минкиной — особой с сомнительным прошлым (в 1825 году будет убита крестьянами графа):

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести...

За такое на дуэль не вызовут, но управа на остроумца найдётся.

В ноябре Пушкин в компании друзей наведывается к петербургской гадалке — немке по фамилии Кирхгоф. Она предсказывает ему перемену службы, два изгнания и смерть «от белого человека». Поэту не чужда склонность к приметам и суевериям, и пророчество это ему запомнится.

Его влечёт опасность. Услышав о революции в Испании, он мечтает об участии в рискованных делах:

Мне бой знаком — люблю я звук мечей;
От первых дней поклонник бранной славы,

Люблю войны кровавые забавы
И смерти мысль мила душе моей.

Забавы уже не ограничиваются дуэльными вызовами. Пушкин коротко сходится с поручиком лейб-гвардейского полка Павлом Нащокиным и его дружками. В загородном ресторане «Красный кабачок» они затевают драку с немцами, о которой много лет спустя Пушкин не без гордости вспомнит в письме жене.

Тот же азарт ведёт Пушкина на собрания членов Союза благоденствия. Они собираются у Ильи Долгорукова — «у осторожного Ильи», как потом будет рассказано в десятой главе «Онегина».

Пушкин читает свои «ноэли» (кроме одного, они не сохранились), имеет неизменный успех. Для него важны не столько идейные связи, сколько человеческие. По душе ему приходится Михаил Лунин — «друг Марса, Вакха и Венеры» (то есть человек отважный и не чуждый питейно-любовных утех). Когда Лунин надолго уезжает из Петербурга, Пушкин берёт себе на память прядь его волос.

XVI

Меж тем двадцатилетний поэт уже подумывает об издании сборника стихотворений. Собирает лицейские и послелицейские вещи вместе, отдаёт переписчику. Тетрадь готова. Книгу можно издать по подписке. Печатаются билеты для подписчиков, штук тридцать-сорок Пушкин раздаёт знакомым.

Но тут он проигрывает Никите Всеволожскому в карты крупную сумму. И отдаёт тетрадь со стихами отчасти в погашение долга, отчасти как товар, подлежащий из-

данию и реализации. «Полу-продал, полу-проиграл» — так потом назовёт Пушкин эту сделку. Партнёр, однако, с изданием не поспешит, и рукописи (пушкинисты станут называть её «тетрадь Всеволожского») предстоят ещё долгие приключения.

А в ночь на 26 марта закончена шестая песнь поэмы «Руслан и Людмила». Автор читает её Жуковскому, после чего тот дарит ему свой портрет (рисунок Е. Эстерейха) с исторической надписью: «Победителю-ученику от побеждённого учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму Руслан и Людмила. 1820 марта 26 великая пятница».

Учителю 37 лет, ученику скоро исполнится 21.

Комплиментарная надпись не исключает претензий, которые у Жуковского к этой поэме ещё будут. Но передача творческой эстафеты состоялась. И этот факт не менее значим, чем ставшее поговоркой «старик Державин нас заметил».

Через четыре с лишним года, по прочтении первой главы «Онегина», Жуковский в письме Пушкину подтвердит свою высокую аттестацию: «По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе». При этом он, правда, призовет младшего друга с «высокостью гения» соединить «высокость цели», но высший оценочный балл останется неоспоримым.

В середине апреля 1820 года «Руслан и Людмила» пускается в плавание по журнальным страницам. В «Сыне отечества» публикуется отрывок из третьей песни поэмы, в «Невском зрителе» — её краткое изложение и фрагмент первой песни. О поэме говорят, её упоминают в письмах. «Как только смогу, я Вам пришлю

экземпляр. Вы будете иметь удовольствие заставлять эхо Швейцарии повторять звуки Вашей родины», — пишет из России одна дама своей приятельнице, матери дипломата.

Пётр Каверин переписывает в свою тетрадь пародийные (точнее сказать, «пародические») стихи неизвестного автора:

Не за Людмилою Руслан
С душою едет беспокойной;
Нет, ночью с бала по Мильонной
Гвардейский едет капитан...

Такое шутовское переименование — верный признак успеха литературной новинки, её вхождения в «классику».

«По литературе» Пушкин — отличник. Но не по поведению. Его неопубликованными стихами уже интересуются «наверху», а он подливает масла в огонь демонстративными жестами. В апреле 1820 года из Парижа приходит известие об убийстве герцога Беррийского (сына наследника французского престола) пролетарием Лувелем. Убийца казнён. Пушкин является в театр с литографированным портретом Лувеля, написав на нём: «Урок царям». Ходит меж рядами, демонстрируя свою прокламацию.

XVII

Рок отвечает на вызовы, брошенные ему Пушкиным.

В начале апреля министр внутренних дел Виктор Павлович Кочубей получает письмо от Василия Назаровича Каразина (человека очень путаного, просветителя и мракобеса одновременно; за критику существующего

общественного строя он вскоре угодит в Шлиссельбургскую крепость, а после освобождения будет выслан из столицы). В нём говорится, что государь воспитывает недоброжелателей себе и отечеству «в самом лице Царскосельском». Имя Пушкина здесь на первом плане как нарицательный символ вольнодумства: «...Из воспитанников более или менее есть почти всякий Пушкин». Это будет иметь самые серьёзные последствия. А между делом автор письма упоминает сплетню, которая долго будет преследовать самого знаменитого из лицеистов: «Говорят, что один из них, Пушкин, по высочайшему повелению секретно наказан». Молва о том, что Пушкина высекли в тайной полиции, доставит немало мук его самолюбию.

Кочубей докладывает о доносе Каразина Александру I. Того задевают эпиграммы. «Холоп венчанного солдата...» То ли за «холопа» Аракчеева царь обижен, то ли за то, что сам он разжалован стихотворцем в «солдаты».

Петербургский генерал-губернатор граф Милорадович приказывает своим подчинённым добыть злополучные тексты: оду «Вольность», эпиграммы, «песни». В дом Пушкина в его отсутствие наведывается сыщик, пытается подкупить слугу Никиту 50 рублями, чтобы тот дал почитать сочинения барина. Верный слуга отказывается, а барин по возвращении сжигает рукописи.

Уже на следующий день Пушкина вызывают к генерал-губернатору. По дороге к Невскому проспекту он проходит Театральную площадь, где живёт поэт Фёдор Глинка, с которым они дружны по «Зелёной лампе» и не только. Глинка служит адъютантом у Милорадовича.

Встретились.

— Я к вам! — говорит ему Пушкин.

— А я от себя! — отвечает Глинка.

Пушкин излагает свою историю. С Милорадовичем он знаком только «по публике», но не лично. Как быть?

— Положитесь безусловно на благородство его души, — советует Глинка.

Так Пушкин и поступает. На вопрос Милорадовича о крамольных стихах отвечает, что сжёг их, но все они найдутся «здесь» (при этом показывает на свой лоб). Ему подают бумагу, и он исписывает стихами целую тетрадь. Тут всё им сочинённое, кроме напечатанного. Или почти всё: эпиграммы на Аракчеева, по всей видимости, там нет. Для потомков эта тетрадь не сохранится.

«Пушкин пленил меня своим благородным тоном и манерою обхождения», — признаётся Милорадович своему адъютанту через несколько часов после встречи. На следующий день он доставляет тетрадь императору со словами: «Вам, государь, лучше этого не читать». Александр отвечает улыбкой, затем выслушивает рассказ генерал-губернатора. Узнав, что Милорадович от его имени объявил поэту прощение, спрашивает: «Не рано ли?» Но дело сделано, и теперь император решает отправить Пушкина служить на юг — «с соответствующим чином и соблюдением возможной благородности».

Суровее высказывается он в разговоре с директором Лицея Энгельгардтом: «Пушкина надо сослать в Сибирь, он наводнил Россию возмутительными стихами, вся молодёжь наизусть их читает. Мне нравится откровенный поступок его с Милорадовичем. Но это не исправляет дело».

Слова о Сибири оказываются лишь угрозой. У Пушкина находится немало защитников. Хлопочет Жуковский. Чаадаев, едва услышав о случившемся, бросается к Карамзину. Тот не одобряет пушкинских стихов, напи-

санных «под знаменем либералистов», однако же соглашается замолвить за него слово перед государем. Перед тем он получает от Пушкина обещание уняться на время и «два года ничего не писать противу правительства» (слова Пушкина из письма Жуковскому 1825 года).

Граф Иван Антонович Каподистрия, статс-секретарь Коллегии иностранных дел, принимает душевное участие в своём подчинённом Пушкине. Добивается его отправки в Екатеринослав, к генерал-лейтенанту Ивану Никитичу Инзову. Генералу предложена новая должность — полномочного наместника Бессарабской области. Депешу об этом назначении и повезёт Пушкин. На дорожные расходы ему выписана тысяча рублей. Едет он в сопровождении Никиты Козлова. До Царского Села его провожают Антон Дельвиг и Павел Яковлев (брат лицеиста).

Дорога занимает дней десять или одиннадцать. За это время в Царском Селе приключается пожар, сгорает здание Лицея. Жуковский сдаёт «Руслана и Людмилу» в Цензурный комитет, получает разрешение и передаёт тысячу рублей гонорара Сергею Львовичу — с тем, чтобы тот отправил их сыну.

XVIII

Генерал Инзов заранее расположен к Пушкину и через несколько дней пишет Каподистрии, что видит в юном поэте не «испорченность сердца», но чрезмерную «пылкость ума». Он собирается опекать и «держат его более на глазах», но тут происходит непредвиденное. Выкупавшись в Днепре, Пушкин заболевает лихорадкой. В горячке встречает свой двадцать первый день рождения.

Вечером к нему наведываются отец и сын Раевские, следующие из Киева на Кавказ. Старший Николай Нико-

лаевич — знаменитый генерал и герой 1812 года. Младший Николай Николаевич, как и его брат Александр, были с отцом на театре военных действий и, по преданию, приняли участие в бою под Дашковкой («Певец во стане русских воинов» Жуковского содержит о том упоминание).

С Николаем Пушкин дружен с лицейских времён, а в киевском доме Раевских совсем недавно останавливался по пути. Ещё здесь две дочери генерала — Мария и Софья. Сопровождает семейство доктор Рудыковский, который имени Пушкина пока не слышал и лечит его «как самого простого смертного».

Раевский-сын предлагает Пушкину присоединиться к ним и ехать к Кавказским Водам. Инзов благословляет. В путь! Раевские и их свита разместились в двух каретах и коляске. Пушкин сначала садится с Николаем в коляску, но, когда его начинает трясти лихорадка, пересаживается в карету.

Первая встреча с морем неподалёку от Таганрога. Юная Мария Волконская бегает по берегу, играя с набегаящими волнами. Пушкин ею любуется. Эпизод этот будет запечатлён в «Евгении Онегине»: «Как я желал тогда с волнами / Коснуться милых ног устами!»

В Таганроге Пушкин с Н.Н. Раевским ночуют в резиденции на Греческой улице — пять лет спустя здесь простится с жизнью император Александр. Дальше их путь лежит через Ростов к Новочеркаску. На обеде у атамана Денисова Пушкин не удерживается от своего любимого бланманже, что приводит к новому приступу лихорадки. Она отпустит его только по прибытии в Горячие Воды.

Генерала Раевского, бывает, встречают в городах с большим почётом, с хлебом-солью. Во время одной

из таких церемоний триумфатор подшучивает над Пушкиным:

— Прочти-ка им свою оду. Что они в ней поймут?

Да, «Вольность» в патриархальной провинции едва ли имеет шанс на успех.

Кавказ. Два месяца новой жизни. Что здесь особенно нравится Пушкину?

Воды. Тёплые кисло-серные, железные, кислые, холодные. «Чрезвычайно помогли», как сообщает он в письме брату Льву.

Горы. Пятихолмный Бештау, Машук, Железная, Каменная, Змеиная.

Казаки. «Вечно верхом; вечно готовы драться; в вечной предосторожности!» — говорится в том же письме.

Раевского со свитой сопровождают 60 казаков, позади — заряженная пушка с зажжённым фитилём. Это реальные меры безопасности. Известный генерал — желанная добыча для горцев, за него можно затребовать большой выкуп. «Тень опасности» возбуждает поэтическое воображение.

В конце июля или в начале августа 1820 года в Петербурге выходит первая книга Пушкина — «Руслан и Людмила». А незадолго до того он в духане слышит рассказ казака-ветерана о том, как горцы на аркане увели его за Кубань, как его спасла черкешенка, распилившая кандалы... Сюжет для новой поэмы. А к первой он дописывает эпилог, где говорит уже новым языком:

Забытый светом и молвою,
Далече от берегов Невы

Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.

Под прошлым подводится черта, автор как бы навсегда прощается с поэтическим вдохновением:

И скрылась от меня навек
Богиня тихих песнопений...

Но не точка всё-таки в конце, а многоточие.

XIX

Из Пятигорска в начале августа (5-го или 6-го числа) Раевские и Пушкин отбывают по направлению к Крыму. 14-го приезжают в Тамань, а наутро отплывают морем в Керчь, куда прибывают вечером.

Пушкин видит развалины Митридатовой гробницы, а поодаль от Керчи — остатки древнего города Пантикапея. Наверное, под землёй, насыпанной веками, что-то скрывается. Но сами по себе археологические объекты его не очень трогают. Через несколько лет он напишет Дельвигу: «Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только». Пушкину не свойственны, говоря современным языком, туристская любознательность и абстрактное почтение к древностям. Его больше трогает то, что создано чьей-то фантазией, что пробуждает его собственное воображение. Как, например, те развалины, которые он увидит чуть позже около Георгиевского монастыря. По преданию, это храм Артемиды (Дианы). Пушкин, вспоминая о нём, напишет: «Видно, мифологические предания счастливее для меня воспоми-

наний исторических; по крайней мере тут посетили меня рифмы, я думал стихами».

День и две ночи Раевские и Пушкин проводят в Феодосии, откуда на военном бриге отплывают в Юрзуф (тогдашнее название Гурзуфа). На корабле Пушкин слагает элегию, впоследствии ставшую легендарной:

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

Гурзуф принадлежит герцогу де Ришелье, премьер-министру Франции, а в прошлом — градоначальнику Одессы. Раевские и Пушкин приезжают в двухэтажный дом, построенный герцогом для гостей. Там их встречают прибывшие ранее жена генерала Софья Алексеевна, дочери Екатерина и Елена.

О тех трёх неделях Пушкин вскоре напишет брату: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провёл я посередине семейства почтенного Раевского».

«Семейство». Это слово ещё дважды повторится в том же послании, причём в пределах одного предложения: «Суди, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался, — счастливое, полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображение, — горы, сады, море: друг мой, любимая моя надежда — увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского. Будешь ли ты со мной? скоро ли соединимся?»

Чувство семьи — вот что здесь главное. Недаром вслед за рассказом о Раевских автор письма тут же

испытывает прилив родственной нежности к своему брату.

Генерал Раевский дорог Пушкину не только как военный герой, но и как «попечительный друг» и «ласковый хозяин». Сердечное к нему отношение он готов перенести и на недоброго и демоничного Александра: «Старший сын его будет более нежели известен» (правда, это предсказание не сбудется). Как единое целое воспринимает Пушкин и четырёх сестёр Раевских: «Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная». Особо отмечена Екатерина (будущая Орлова), которая впоследствии попадёт в «Донжуанский список»: она на два года старше Пушкина, и в ней он видит уже сформировавшуюся значительную личность. Но можно ли говорить о его истинно мужской влюблённости в какую-либо из сестёр? Наверное, стоит всё-таки поверить словам Марии Николаевны (с 1825 года Волконской) в её «Записках»: «В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал всё, что видел».

Чем ещё останется в памяти Пушкина Гурзуф?

Виноград, которым он объедался. Шум моря, который он слушал «целые часы». Молодой кипарис в двух шагах от дома, к которому он «привязался чувством, похожим на дружество».

Пятого сентября Пушкин с отцом и сыном Раевскими отбывает из Гурзуфа. Едут на лошадях до Никитского сада, минуют Ялту — маленькую деревушку на морском берегу. Ночёвка на татарском дворе, следующая — в Георгиевском монастыре. По дороге в Бахчисарай Пушкин заболевает лихорадкой. В письме Дельвигу он потом припомнит: «Вошед во дворец, увидел я испорченный фонтан, из заржавленной железной трубки по кап-

лям падала вода. Я обошёл дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевают, и на полуевропейские переделки некоторых комнат». Тем не менее импульс для сочинения поэмы о бахчисарайском фонтане получен. «Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему?» — спрашивает Пушкин не только Дельвига. Письмо это — литературный факт, оно будет напечатано в «Северных цветах на 1826 год» под названием «Отрывок из письма А.С. Пушкина к Д.».

XX

В Симферополе Пушкин расстаётся с Раевскими и отправляется в Одессу, где проводит несколько дней, а 21 сентября приезжает в Кишинёв. Живёт поначалу в заезжем доме, а с октября пользуется гостеприимством Ивана Никитича Инзова.

«Проклятый город Кишинёв!» — напишет Пушкин три года спустя — уже из Одессы — в стихотворном послании к Филиппу Филипповичу Вигелю, своему давнему знакомцу ещё с «арзамасских» времён. Да, в Кишинёве Пушкину было скучновато. Отсюда его повышенная дуэльная активность. Уже в конце октября он после дружеской пирушки с жжёнкой ссорится с почтмейстером Алексеевым и отставным полковником Фёдором Орловым: он мешает им играть в бильярд, а они за это обзывают его «школьником». Пушкин отвечает вызовом, но, к счастью, приглашённый им в секунданты подполковник Иван Липранди уводит Пушкина в свой дом, а потом примиряет противников.

Самая интересная фигура в Кишинёве в это время — Михаил Фёдорович Орлов, генерал-майор, командир пехотной дивизии. Бывший «арзамасец», вольнодумец, активный участник тайного общества — Союза благоденствия. За него вскоре выйдет замуж одна из дочерей генерала Раевского — Екатерина.

В середине ноября 1820 года Инзов разрешает Пушкину поездку в Каменку — имение братьев Александра и Василия Давыдовых в Киевской губернии. Оба Давыдовы — сводные братья Николая Раевского-старшего. Александр — отставной генерал, Василий — отставной полковник, с 1821 года один из руководителей тайного Южного общества.

Александр Давыдов держится с Пушкиным несколько покровительственно, за что ему потом изрядно достанется от поэта. «И рогоносец величавый» — такой строкой припечатает он его в первой главе «Онегина». Достанется и супруге, Аглае Давыдовой, которая старше Пушкина на 12 лет. У Давыдовых двенадцатилетняя дочь Адель, которой поэт посвящает знаменитый впоследствии мадригал: «Играй, Адель, / Не знай печали...» Для забавы Пушкин дразнит девочку, притворяется влюблённым в неё. Делает он это неловко, по мнению даже расположенных к нему очевидцев. Причина проста: страсти в поэте бушуют, но любить он ещё не умеет. Вскоре, впрочем, научится — когда изведает любовное страдание.

В Каменке гостят Николай и Александр Раевские. Вскоре туда приезжают Михаил Орлов и Иван Якушкин. Тот самый, который будет упомянут в десятой главе «Онегина»:

Читал свои Ноэли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,

Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.

«Noël», к удовольствию автора, Якушкин цитирует наизусть. Да и прочие вольнодумные пушкинские стихи, по его словам, в армии знает всякий сколько-нибудь грамотный прапорщик. Однако посвящать поэта в тайны политического заговора он не спешит. Более того: собравшиеся в Каменке заговорщики устраивают розыгрыш. Затевают беседу о том, нужно ли в России тайное политическое общество. Якушкин делает вид, что такового нет. Пушкин с наивной страстностью доказывает, что тайное общество могло бы принести России большую пользу. Александр Раевский, также не посвящённый в секретные дела, говорит о своей готовности вступить в тайное общество, если бы оно существовало. «В таком случае давайте руку», — отвечает ему Якушкин. А потом объявляет, что это шутка.

Пушкин чуть не плачет. Он уже видел высокую цель перед собой, а его разыграли как ребёнка. «В эту минуту он был точно прекрасен», — вспомнит Якушкин 30 лет спустя.

XXI

Пребывая «далече от берегов Невы», Пушкин заочно участвует в столичной литературной жизни, и притом активно. «...Нового в литературе ничего у нас нет, кроме поэмы Пушкина “Руслан и Людмила”, которую хвалят и хулят без милосердия», — пишет в сентябре поэт, издатель журнала «Благонамеренный» Александр Измайлов Павлу Яковлеву (тому самому, что вместе с Дельвигом провожал Пушкина в дальнее странствие).

Хвала и хула. Из них составляется литературная слава. Первое критическое нападение на Пушкина ещё в июне предпринял в «Вестнике Европы» критик, подписавшийся «Житель Бутырской слободы» (А.Г. Глаголев). Прочитав отрывок из поэмы, он упрекает автора за «плоские шутки старины». Пушкинское остроумие и речевая раскованность ещё полтора десятилетия будут выводить чинных критиков из себя.

По выходе книжного издания подробный разбор «Руслана и Людмилы» помещает в четырёх номерах «Сына отечества» Александр Воейков — поэт (арзамасская кличка «Дымная печурка»), автор легендарного сочинения «Дом сумасшедших». Статья высокомерна, комплименты дарованию Пушкина сочетаются с категоричными поучениями и неосновательными мелочными придирками. В печатную полемику с Воейковым вступает Алексей Перовский (будущий прозаик, который под псевдонимом Антоний Погорельский опубликует знаменитую сказку «Чёрная курица, или Подземные жители»). А «живой классик» Иван Крылов прихлопнул занудство Воейкова эпиграммой, обыгрывая французское изречение «Критика легка, искусство трудно»:

Напрасно говорят, что критика легка:
Я критику читал Руслана и Людмилы —
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно как тяжка.

Эта эпиграмма без подписи публикуется в сентябре в «Сыне отечества» — вслед за авторскими «прибавлениями» к поэме (отрывки из шестой песни и эпилог), вместе с такой же защитительной эпиграммой Дельвига. Это

утешит Пушкина, о чём он напишет в декабре Гнедичу. В том же письме известит о том, что у него готова или почти готова новая поэма. Будущий «Кавказский пленник».

XXII

В конце января 1821 года Пушкин вместе с братьями Давыдовыми едет из Каменки в Киев в гости к Николаю Раевскому-старшему. 2 февраля знакомится с Каролиной Собаньской — женой одесского богача, оставившей мужа и сожительствующей с графом Иваном Виттом, генералом, начальником военных поселений. Витт — интриган, шпион по призванию, втёршийся в доверие к вожакам тайного общества. Собаньская тоже авантюристка (кстати, родная сестра Эвелины Ганской, которая станет женой Бальзака). Пушкину эта роковая женщина будет интересна, её хищный облик отразится в героине «Бориса Годунова» Марине Мнишек.

Поэму «Кавказский пленник», посвящённую Николаю Раевскому-младшему, Пушкин заканчивает 3 февраля.

В начале марта Пушкин вновь приезжает в Кишинёв. Сильное впечатление на него производят события в Греции. Александр Ипсиланти, с которым Пушкин был хорошо знаком, генерал русской армии, потерявший руку в сражении под Дрезденом в 1813 году, перешёл с кавалерийским отрядом границу России, чтобы возглавить восстание своих соплеменников-греков против турецкого владычества. «На берегах Дуная бунтует наш безрукий князь», — пишет Пушкин в стихотворном послании к Василию Давыдову. (О самом Пушкине в Москве пойдут слухи: дескать, убежал на помощь восставшим грекам.) И хотя он увидит потом в действиях Ипсиланти и излишнюю жестокость, и нерешительность, всё-таки эта

фигура надолго сохранит для него героический ореол. Девять лет спустя Пушкин напишет повесть «Выстрел», главный герой которой так закончит свои дни: «Сказывают, что Сильвио, во время возмущения Александра Ипсиланти, предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами».

Девятого апреля Пушкин записывает в дневнике: «Утро провёл я с Пестелем, умный человек во всём смысле этого слова. <...> Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...» Политический разговор, однако, не коснулся Южного общества, созданного подполковником Пестелем в марте — взамен распущенного в январе Союза благоденствия. Об этом Пушкин узнает после, как и о том, что Пестель, как потом он отметит в дневнике 1833 года, «предал этерию, представя её императору Александру отраслию карбонаризма». Александр Ипсиланти рассчитывал на поддержку русской армии, но по результатам донесения Пестеля таковая оказана не была.

А на следующий день, согласно воспоминаниям Ивана Липранди, происходит комический эпизод: «Попугая в стоявшей клетке на балконе Инзова Пушкин выучил одному бранному молдаванскому слову. В день Пасхи 1821 года преосвященный Дмитрий Сулима был у генерала; в зале был накрыт стол; благословив закуску, Дмитрий вышел на балкон, за ним последовал Инзов и некоторые другие. Полюбовавшись видом, Дмитрий подошёл к клетке и что-то произнёс попугаю, а тот встретил его помянутым словом, повторяя его и хохоча. Когда Инзов проводил преосвященного, то с свойственной ему улыбкой и обыкновенным тихим голосом своим сказал

Пушкину: “Какой ты шалун! Преосвященный догадался, что это твой урок”. Тем всё и кончилось».

Жизненные силы бушуют в молодом Пушкине. Его влечёт стихия тайных обществ и заговоров. Естественно, что 4 мая он «принят в масоны», согласно его дневнику. Во главе ложи «Овидий» генерал-майор Павел Пуштин, в составе ложи и сам Иван Инзов. С римским поэтом Овидием, некогда сосланным императором Октавианом Августом на берег Чёрного моря у устья Дуная, изгнанник Пушкин часто себя сравнивает в стихах. Так, послание «Чаадаеву», написанное в апреле 1821 года, начинается словами:

В стране, где я забыл тревоги прежних лет,
Где прах Овидиев пустынный мой сосед,
Где слава для меня предмет заботы малой,
Тебя недостаёт душе моей усталой.

А некоторое время спустя Пушкин напишет послание «К Овидию». Что же касается названной в честь римского классика ложи, то она проживёт недолго — до ноября, а в 1822 году Александр I вообще запретит в России масонскую деятельность.

XXIII

В начале июня у Пушкина приключается ссора с живущим в Кишинёве бывшим французским офицером Дегильи. Тот уклоняется от дуэли на саблях. Разыгрывает слёзную сцену, составляет на глазах у жены завещание и пр. Дело замято. Пушкин раздосадован самим фактом срыва поединка. Он пишет несостоявшемуся

противнику гневное послание, заканчивая его словами: «Заметьте ещё, что впредь, в случае надобности, я сумею осуществить свои права русского дворянина, раз вы ничего не смыслите в правах дуэли».

Фраза, как будто адресованная многим будущим обидчикам.

С осени 1820 года Пушкин часто бывает в доме бессарабского помещика Захара Ралли. Танцует с его дочерью Мариолой. Дружит с одним из трёх его сыновей — Иваном. А летом 1821 года Иван приглашает его в своё имение Долну. Они наведываются в цыганский табор, это крепостные Ралли.

У их старосты (по-цыгански «булибашу») есть дочь Земфира. Она одевается по-мужски, курит трубку. Пушкин живёт с ней в одном шатре. Земфира вдруг убегает из табора, Пушкин безуспешно пытается её искать.

Через два года он получит известие о том, что Земфиру зарезал её возлюбленный. А в 1824 году напишет поэму «Цыганы», где в эпилоге вспомнит:

...Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов,
Смиренной вольности детей.
За их ленивыми толпами
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.

Одно из значимых в пушкинской политической биографии событий 1821 года — знакомство с майором Влади-

миром Федосеевичем Раевским, участником войны 1812 года, членом Южного общества и масоном той же ложи, что и Пушкин. По поручению Михаила Орлова майор обучает юнкеров и солдат и в свою просветительскую миссию вкладывает немалую долю вольнодумства. Сам он — стихотворец старомодного склада: Пушкин ему кажется чересчур радикальным поэтом. Эстетические разногласия, однако, не препятствуют человеческой близости.

Над Владимиром Раевским скоро сгустятся тучи. 5 февраля 1822 года Пушкин услышит в доме Инзова разговор хозяина с генерал-лейтенантом Сабанеевым о грозящей другу расправе. Инзову защитить майора не удаётся, а Пушкин спешит предупредить Раевского. Того на следующий день арестовывают. Он будет сослан в Иркутскую губернию и войдёт в историю как «первый декабрист» задолго до декабристского восстания.

XXIV

Пятого ноября в Кишинёве происходит землетрясение, второе за год. Дом Инзова повреждён, хозяин из него выезжает, а Пушкин остаётся там жить ещё несколько месяцев. Из столицы у Инзова требуют объяснения насчёт масонских лож и, в частности, по поводу Пушкина. Губернатор уверяет, что Пушкин «ведёт себя изрядно». И даже после некоторых колебаний отпускает его в декабре в десятидневную поездку в Аккерман и Измаил с подполковником Иваном Липранди.

Для Пушкина это прежде всего возможность оказаться поближе к Овидиевым местам, он жалеет, что не захватил с собой томик римского поэта. Стихи так и льются: попутчик то и дело видит Пушкина пишущим на «лоскутках» бумаги. Погружённость в творческие думы

не мешает поэту живо реагировать на бытовые подробности. Перед возвращением в Кишинёв Пушкин с Липранди обедают в городе Леово в доме командира казачьего полка. Икра, балык, до которого Пушкин большой охотник, прекрасное донское вино. По выезде из города Пушкин начинает неистово хохотать. Что такое? Оказывается, суп на обеде был из куропаток с картофелем, а жаркое из курицы. «Я люблю казаков за то, что они своеобразничают и не придерживаются во вкусе общепринятых правил, — говорит Пушкин, смеясь. — У нас, да и у всех, сварили бы суп из курицы, а куропатку бы зажарили, а у них наоборот!»

«Своеобразничать» — это по-пушкински.

XXV

Начало 1822 года отмечено обилием дуэлей.

Пятого января в клубе под названием «Казино» у Пушкина приключается стычка с молоденьким офицером. Пушкин велит музыкантам играть мазурку, а офицер — кадрили. За офицера вступается его командир, подполковник Семён Никитич Старов. Требуется извинений от Пушкина, а тот: будем стреляться.

Наутро выезжают с секундантами за город. Метель. Оба противника дважды промахиваются. Поединок откладывается. Пушкин, зайдя к приятелю Алексею Полторацкому, оставляет записку: «Я жив. / Старов / здоров. / Дуэль не кончена». Звучит шутливо.

Через два дня Полторацкий вместе с пушкинским секундantom Николаем Алексеевым в ресторане Николетти примиряют противников. А ещё через два дня Пушкин в том же ресторане уже грозит дуэлью двум юнцам, обсуждающим инцидент и нелестно отзывающимся о Старове.

(Старов проживёт долгую жизнь, дослужится до генерала и в семидесятилетнем возрасте будет благодарить судьбу, которая уберегла его от страшной участи оказаться убийцей великого поэта.)

Проходит немного времени, и за обедом у Инзова Пушкин сцепляется с престарелым статским советником Лановым. Тот обзывает поэта «молокососом», в ответ получает прозвище «винососа». Инзов решительно гасит вспышку, и Пушкину остаётся ограничиться эпиграмматической рифмой «Ланов» — «болван болванов».

Продолжительная ли неволя тому причиной или избыток жизненных сил, не находящих достойного применения? Так или иначе, поведение Пушкина с житейской точки зрения неадекватно, что отмечают и те, кто с ним в конфликты не вступал. После одного из обедов у Инзова князь Павел Долгоруков, нормальный здравомыслящий чиновник, записывает в дневнике: «Он перестал писать стихи, но этого мало. <...> Вместо того, чтобы прийти в себя и восчувствовать, сколь мало правила, им принятые, терпимы быть могут в обществе, он всегда готов у наместника, на улице, на площади всякому на свете доказать, что тот подлец, кто не желает перемены правительства в России. Любимый разговор его основан на ругательствах и насмешках, и самая даже любезность стягивается в ироническую улыбку».

Но Долгоруков ошибается в одном: стихов Пушкин писать не перестал (в работе «Бахчисарайский фонтан»). Это занятие будет всё больше поглощать его, уводя от бесполезных споров с недалёкими ретроgrадами.

А пока — новый скандал в начале марта. На вечеринке в доме знатной молдаванки Смранды Богдан Пуш-

кин повздорил с её дочерью Марией, с которой давно вёл «свободные речи». Возможно, она сказала ему что-то обидное потому, что он вызвал в ней ревность вниманием к другой даме. Пушкин не находит ничего лучшего, как искать управу на обидчицу у её мужа — Теодора Балша (лица влиятельного: вскоре он станет гетманом Молдавии). Тот отвечает крайне грубо. Павел Пуцин увозит Пушкина подальше от греха, но через два дня участникам конфликта приходится объясняться, и Пушкин оскорбляет Балша действием. Дело заходит так далеко, что Инзов сажает Пушкина под домашний арест. Даже часового у дверей ставит, но разрешает по саду гулять и принимать посетителей. Пушкин сочиняет весёлые стихи:

Мой друг, уже три дня
Сижу я под арестом,
И не видался я
Давно с моим Орестом...

Под «Орестом», вероятно, имеется в виду верный друг Николай Алексеев.

А для более широкого читательского круга слагается стихотворение, которое переживёт века и будет известно каждому носителю русского языка: «Сижу за решёткой в темнице сырой...». Успеваает Пушкин в неволе сочинить также непристойную сказку «Царь Никита и сорок его дочерей».

На Страстной неделе Пушкин говееет, то есть постится, готовится к причащению. 28 марта приходит в церковь на заутреню, после чего Инзов объявляет об окончании трёхнедельного ареста. По выражению Долгору-

кова, «он, как птичка из клетки, порхнул из генеральского кабинета на улицу искать прежних рассеяний и удовольствия в кругу своих приятелей...».

Пушкин ходит по городу с тяжёлой железной палкой — тренирует твёрдость руки. Фехтует на рапирах с прапорщиком Лугининым. Готовится к новым баталиям.

XXVI

Седьмого мая 1823 года государевым рескриптом наместником Бессарабии (и одновременно генерал-губернатором в Одессе) назначается генерал-адъютант Михаил Семёнович Воронцов — вместо Ивана Никитича Инзова. Александр Тургенев пишет по этому поводу Вяземскому: «Граф Воронцов сделан Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором. Не знаю ещё, отойдёт ли к нему и бес арабский?»

Отойдёт. «Бес арабский» вызовет у графа сильное раздражение и пробудит в его душе самые недобрые чувства. А начинается всё по-хорошему. Пока Пушкин набрасывает первые строфы «Евгения Онегина», Вяземский и Тургенев в столице хлопчут о его переводе из Кишинёва в Одессу. Воронцову о поэте рассказано, на прощальном вечере перед отъездом новоиспечённого губернатора на юг должна быть исполнена кантата Верстовского «Чёрная шаль», сочинённая на пушкинские стихи.

В Одессу Пушкин отправляется в начале июля на морские ванны. Завязывает там множество знакомств. Обедают в ресторане Отона с шампанским «Сан-Пере». Посещает Итальянскую оперу, где блистает примадонна Анжелика Каталани — её имя через четыре года войдёт в одну из эффектных пушкинских строк: «Как мимоездом Каталани»... А в ложе — «Негоциантка молодая». Это

Амалия Ризнич, высокая, стройная, с длинной косой. Жена Ивана Ризнича, крупного коммерсанта и меломана, не жалеющего денег для поддержки оперного театра.

В двадцатых числах июля Пушкин впервые встречается с новым генерал-губернатором. «Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляют мне, что я перехожу под его начальство...» — пишет он в августе брату.

Пушкин окончательно перебирается в Одессу. В сентябре он знакомится с приехавшей туда женой графа Воронцова — Елизаветой Ксаверьевной. Ей 31 год, у неё вот-вот должен появиться третий ребёнок.

Пушкин пока ещё увлечён Амалией Ризнич. В приступе ревности он однажды, как поведает потом его младший брат, пробегает «пять вёрст с обнажённой головой под палящим солнцем по 35 градусам жара». Портреты Амалии мелькают на страницах его рукописей, но вскоре с ними начинает соперничать характерный профиль графини Воронцовой: прямой античный нос, резко очерченный подбородок. Она не считается красавицей, но знавшие её отмечают чарующую улыбку и своеобразное «польское кокетство» (она дочь богатого магната графа Браницкого).

В декабре графиня возвращается к светской жизни, и Пушкин часто видится с ней в доме Воронцовых. Что за отношения у них? Иногда ссылаются на строки из письма В.Ф. Вяземской мужу: «Не говори ничего об этом, при свидании потолкуем об этом менее туманно, есть основания прекратить этот разговор. Молчи, хотя это очень целомудренно, да и серьёзно лишь с его стороны».

Весомо, но всё-таки это не абсолютное доказательство платоничности отношений Пушкина и Воронцовой.

Главное же — что это первая в жизни Пушкина глубокая привязанность к женщине. Он взрослеет. Любовь к графине Элизе дарит ему и истинное, возвышающее страдание, и ощущение душевной взаимности. И ещё прелесть эмоционального контакта со «старшей» женщиной: это молодой Пушкин умеет находить в самых разных отношениях: с Екатериной Андреевной Карамзиной, княгиней Евдокией Ивановной Голицыной, Прасковьей Осиповой, а в какой-то мере — и с княгиней Верой Фёдоровной Вяземской.

Пушкин впервые становится участником сложной любовной драмы. Его соперником делается не только граф Воронцов, но и Александр Раевский, когда-то вызывавший у Пушкина восторг, а теперь удручающий его своим цинизмом и безверием:

Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел —
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

Эти строки стихотворения «Демон» сложились под впечатлением бесед с Раевским. Сам же Пушкин, пройдя испытание скепсисом, станет мудрее, но цинизм его души не коснётся. Пока в Петербурге Рылеев и Пущин обсуждают, как «действовать на ум народа», а в Каменке на Украине Южное общество во главе с Пестелем строит конституционные проекты, Пушкин думает об ином.

«Это мой последний либеральный бред», — пишет он А. Тургеневу по поводу собственных стихов на смерть Наполеона и их финала: «И миру вечную свободу / Из

мрака ссылки завещал». Вспоминая евангельскую притчу о сеятеле, поэт серьёзно сомневается в том, что революционная пропаганда пойдёт впрок:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.

Но этот скорбный сарказм никогда не перейдёт у него в оправдание зла и тирании.

XXVII

С весны 1823 года жизнь и судьба Пушкина начинают измеряться не только годами, но и главами «Евгения Онегина». В мае начата первая глава. Поначалу автор называет новое сочинение поэмой. Визитёры иногда застают его лежащим в постели и пишущим новые строфы на клочках бумаги. Порою он сам смеётся над удачными остротами.

В октябре первая глава дописана, 3 ноября готовы 17 строф второй главы. А на следующий день Пушкин посылает Вяземскому в Москву для опубликования текст «Бахчисарайского фонтана», прося приписать к нему предисловие или послесловие. Попутно сообщает: «Что касается до моих занятий, я теперь пишу не роман, а роман в стихах — дьявольская разница». Роман в стихах — это пока непривычное выражение станет именем нового жанра.

Пушкин опережает самого себя. Заглядывает в неведомое будущее — жизненное и литературное. В январе 1824 года офицер Пётр Муханов, толковый читатель, которого поэт познакомил с первой главой «Онегина»,

пишет Рылееву в Петербург: «Пушкин гигантски идёт к совершенству».

Десятого марта в Москве выходит «Бахчисарайский фонтан», сопровождаемый вступительной статьёй Вяземского. Тиражом 1200 экземпляров, по цене пять рублей. Авторский гонорар — три тысячи, то есть по пять рублей за каждый стих. Вяземский доволен коммерческим результатом. Книга расходуется удачно наравне с такими бестселлерами, как два тома «Истории» Карамзина и новейшее издание Жуковского.

Тем временем над Пушкиным-чиновником сгущаются тучи. В конце марта 1824 года Воронцов адресует графу Нессельроде просьбу удалить Пушкина из Одессы. Для его же, Пушкина, пользы.

«Главный недостаток Пушкина — честолюбие. Здесь находятся люди (и их будет ещё больше во время купального сезона), которые, будучи чрезмерными поклонниками его поэзии, думают, что оказывают ему дружескую услугу, восхваляя его, а на деле поступают как враги, заставляя его терять голову и убеждая его, что он видный писатель, в то время как он всего лишь слабый подражатель мало достойного оригинала (лорда Байрона), и только труд и упорное изучение подлинных великих классических поэтов могут сделать плодотворным счастливое дарование, в котором ему нельзя отказать».

Прямо-таки учительская интонация: пусть, мол, не зазнаётся и больше учится у классиков. Что же это на самом деле? Ревность? Досада на эпиграммы, которыми Пушкин больно колет начальника?

Подчинённого в числе других чиновников отправляют в степные уезды «для собрания сведений» о саранче,

заполонившей поля. За Пушкина пробует вступиться Вигель. И слышит в ответ от Воронцова: «...Если вы хотите, чтобы мы остались в прежних приятельных отношениях, не упоминайте мне никогда об этом мерзавце». После чего следует добавление: «Также и о достойном друге его Раевском».

Ревность к Раевскому имеет больше оснований, но отвечать за всё будет Пушкин.

XXVIII

400 рублей на прогоны получены. Херсон. Оттуда — в Елисаветград, по пути остановка в Сасовке — имении помещика Добровольского. Пушкинская слава уже обитает в этом доме. Хозяин показывает истрёпанную тетрадку «Кавказского пленника», а его трёхлетняя дочка декламирует:

Ты говорила: «Пушкин милый,
Развесели свой взор унылый,
Склонись главой ко мне на грудь,
Свободу, родину забудь»...

«Пушкин» вместо «пленник» вставила — может быть, старшие научили. Красавицей будет! Поэт целует девочку, читает ей в ответ: «Играй, Адель, / Не знай печали...»

Здесь встречает Пушкин своё 25-летие — в задумчивой компании, с венгерским вином. На прощание дамы засыпают его цветами, а мужчины сопровождают до Елисаветграда.

Через два дня он возвращается в Одессу. Потом, со слов чиновника Писаренко, также выезжавшего на борьбу со зловредными насекомыми, пойдёт легенда о сти-

хотворном командировочном отчёте Пушкина, представленном Воронцову: «Саранча летела, летела и села; сидела, сидела — всё съела и вновь улетела».

Какая-то переписка между начальником и подчинённым всё же была, а 2 июня Пушкин пишет на гербовой бумаге достоинством в два рубля прошение об отставке. На высочайшее имя.

Он не видит уже необходимости в служебном жалованье, надеясь, что литературные занятия принесут больший доход. А главное — своё положение при Воронцове он считает невыносимо унижительным. «На этот счёт у меня свои демократические предрассудки, вполне стоящие предрассудков аристократической гордости», — пишет Пушкин правителю воронцовской канцелярии А. И. Казначееву, с которым у него сложились добрые отношения.

Жена Вяземского приезжает с двумя детьми в Одессу. Ей 33 года, она берёт на себя роль строгой воспитательницы Пушкина, пишет о нём мужу: «Это совершенно сумасшедшая голова, с которою никто не может совладать. Он натворил новых проказ, из-за которых подал в отставку. Вся вина — с его стороны. Мне известно из хорошего источника, что отставки он не получит». Вера Фёдоровна становится доверенным лицом Пушкина в сердечных делах. Она, как и её муж, проживёт долгую жизнь, будет потом рассказывать одному из первых пушкинистов Петру Бартеневу: «Пушкин говаривал, что как скоро ему понравится женщина, то, уходя или уезжая от неё, он долго продолжает быть мысленно с нею и в воображении увозит её с собою, сажает её в экипаж, предупреждает, что в таком-то месте будет толчок, одевает ей плечи, целует у неё руку и проч.».

Однажды Пушкин отправляется на прогулку к морю с Вяземской и Воронцовой. Девятый вал обдаёт их с головы до ног. Природа пророчит неладное.

В Министерстве иностранных дел прорабатывается вопрос: что делать с Пушкиным? Составляется даже справка о его материальном положении: от родителей не получает ничего, живёт на скромное жалованье в 700 рублей в год да на гонорары.

Ещё один документ фигурирует в деле: перехваченное полицией письмо поэта неизвестному адресату со злополучной фразой: «...Пишу пёстрые строфы романтической поэмы — и беру уроки чистого афеизма». Упомянут «умный афей» — это домашний врач Воронцовых англичанин Хатчинсон. Человек, который отрицает существование «разумного Творца и правителя» и тем производит на поэта впечатление. «Афеизм» считается крамоллой (слов «атеист» и «атеизм» в русском языке пока ещё не существует).

Итоговое решение государя: Пушкина «уволить вовсе от службы» и выслать в имение, которым его родители владеют в Псковской губернии. Под надзор местных властей.

По Петербургу ходят слухи, что Пушкин застрелился. Сам он в это время набрасывает предисловие к первой главе «Евгения Онегина», кутит с моряками причаливших в Одессе кораблей, выигрывает в одной компании 900 рублей в карты. Получает от Вяземского через Веру Фёдоровну 1260 рублей, созывает к своему окну извозчиков, чтобы отдать им долги.

К слову, о картах в жизни Пушкина. Выигрыши у него случались реже, чем проигрыши. Игра, как правило, приводила к долгам и безденежью. Умом Пушкин пони-

мал опасность «игромании», которая у него станет сюжетом «Пиковой дамы», а в эпиграф к первой главе повести он вынесет собственную эпиграмму на картёжников с ироническим финалом: «Так в ненастные дни / Занимались они / Делом». Но, говоря словами Грибоедова, был у него «ум с сердцем не в ладу». Страсть к игре не отпускала Пушкина, а бурный темперамент не способствовал удаче — тем более что партнёрами нередко оказывались явные мошенники, обыграть которых заведомо невозможно. Карты в XIX веке — это определённая область культуры, некий вид спорта. Некрасов, например, в нём будет добиваться стабильного успеха, а Достоевский окажется незадачливым игроком в рулетку.

Графине Воронцовой предстоит отъезд из Одессы. Она дарит Пушкину кольцо и золотой медальон со своим портретом.

Пушкину объявляют о его назначении в Псков. Он без шляпы и перчаток мчится к Вере Фёдоровне с этой новостью. Хочется бежать куда угодно, хоть за границу. Но...

Первого августа отставленный от службы коллежский секретарь со своим неизменным дядькой Никитой Козловым отправляется на север.

Через восемь дней Пушкин прибывает в Михайловское, где его встречают родители, сестра, брат и няня Арина.

Небольшая комната с окном на двор. Кровать с пологом, письменный стол, шкаф с книгами. Весь Пушкин здесь. Так же будет, когда он останется один.

XXIX

В красной, подпоясанной кушаком рубаше, в белой шляпе, небритый, с тяжёлой железной палкой в руке (для непрерывного упражнения) — таким предстаёт он во время своих прогулок. По ночам пишет и читает.

Наведывается в соседнее Тригорское, с обитателями которого давно знаком. Прасковья Александровна Осипова, 42-летняя помещица, недавно овдовела. У неё семеро детей от двух браков. И к Пушкину она относится с материнской нежностью.

Старший её сын, девятнадцатилетний Алексей Вульф, делается близким приятелем Пушкина. Он слушает лекции в Дерптском университете вместе с поэтом Николаем Языковым («визитной карточкой» которого потом станет стихотворение «Пловец», оно же песня «Нелюдимо наше море...», мелодия народная). Вульф зазывает Языкова в гости. Два поэта обменивались стихотворными посланиями, а встречаются впервые. Языков Пушкина принимает с оговорками («Бахчисарайским фонтаном», например, был недоволен), а тот к нему — со всею душой.

Местные власти ищут кого-нибудь «из благонадёжных дворян» для наблюдения за Пушкиным. Назначают одного, а он тут же отказывается, ссылаясь на болезнь. В итоге эта роль достаётся не кому иному, как статскому советнику Сергею Львовичу Пушкину. Он будет иметь «бдительное смотрение и попечение за сыном своим», как сказано в рапорте псковского гражданского губернатора.

Сын возмущён тем, что отец согласился за ним шпионить. Происходит объяснение, не без жестикуляции. Отец выбегает из комнаты и кричит на весь дом, что сын хотел его «прибить».

Чем так, то уж лучше в крепость. Пушкин письменно просит об этом губернатора, но послание, по счастью, не дойдя до адресата, возвращается, и автор его уничтожает. А потом пишет в Петербург брату Льву, что не хочет «выносить сору из Михайловской избы». Вскоре в столицу отбывают и Сергей Львович с Надеждой Осиповой. Отец официально отказывается от наблюдения за сыном.

А тот уже подумывал о бегстве за границу, о чём говорил П.А. Осиповой. Она обращается к Жуковскому, который и сам озабочен произошедшим. Увещевая Пушкина, он делает резонную ставку на его творческий пыл и писательскую гордость. Жуковский пишет: «На всё, что с тобою случилось и что ты сам на себя навлёк, у меня один ответ: ПОЭЗИЯ. Ты имеешь не дарование, а гений. Ты богач, у тебя есть неотъемлемое средство быть выше незаслуженного несчастья и обратить в добро заслуженное...» И далее: «По данному мне полномочию предлагаю тебе первое место на русском Парнасе. И какое место, если с высокостию гения соединишь и высокостю цели!»

Непрерывно подвигает Пушкина к новым свершениям и Вяземский. Когда тот был ещё в Одессе, он настойчиво требовал от друга поэтического отклика на кончину Байрона. Дождался. В Михайловском закончено стихотворение «К морю», где английский поэт получает афористическую характеристику «властитель наших дум». Вяземский откликается: «Твоё “Море” прелестно! Я затвердил его наизусть тотчас...»

Посылая другу стихотворное «поминаньице за упокой души раба божия Байрона», Пушкин сообщал и о завершении большого произведения. Причём в тоне весьма

раскованном: «...Кончил я поэму “Цыганы”. Не знаю, что об ней сказать. Она покамест мне опротивела, только что кончил и не успел обмыть заповревшие <....>».

Вяземский ждёт «Цыган», просит: «Давай мне всё печатать». Рассуждает как деловитый литературный агент, акцентирует материальный стимул: «И тебе не худо хлопотать о грошах или о денежках на чёрный день...» Перечислив всё написанное Пушкиным, подытоживает: «Вот тебе и славная оброчная деревня! А меня наряди своим бурмистром!»

«Евгений Онегин», однако, уже передан через брата Петру Плетнёву, а все элегии собрать пока трудно: тетрадь стихов, как известно, проиграна четыре года назад в карты Никите Всеволожскому. Выкупив её при посредничестве брата Льва, Пушкин получит рукопись в марте 1825 года.

Так или иначе, участие друзей помогает Пушкину существовать в столичной литературной жизни, не чувствовать холода одиночества. А дружеское общение он всегда находит в Тригорском. С юной Евпраксией Вульф, как с гордостью сообщает Пушкин в письме брату, он «мерялся поясом», и их талии оказываются одинаковыми. Про старшую сестру там же: «...с Анеткою бранюсь; надоела!» (Заметим, что такие небрежные суждения о дамах — шутливая игровая условность, принятая в дружеской переписке. Это относится и к более раскованным выражениям, ставшим легендарными. Не стоит их понимать слишком буквально.)

С Алексеем Вульфом Пушкин обсуждает новый план побега за границу: через Дерпт, под видом слуги Алексея. В письме брату есть список вещей, которые он просит ему доставить. Помимо сотерна и шампанского,

лимбургского сыра и табака, там упоминаются чемодан, походная чернильница, дорожная лампа...

И примерно в то же время он пишет: «Мне дьявольски не нравятся петербургские толки о моём побеге. Зачем мне бежать? здесь так хорошо!»

Таков поэт. Его влечёт большой и неведомый мир. И такой же мир он непрерывно открывает в себе самом.

XXX

Лицейский друг Иван Пущин собрался навестить Пушкина. Шаг смелый. Александр Тургенев не советует ехать: поэт под двойным надзором — полицейским и духовным. Дядя Василий Львович тоже испугался, услышав от Пущина о его намерении, но потом прослезился и просил расцеловать племянника.

И вот Пущин со слугой Алексеем (который наизусть знает творения Пушкина!) и с тремя бутылками клико въезжает в заснеженный, нерасчищенный двор усадьбы. Хозяин выходит на крыльцо босиком, в одной рубашке. Объятия, поцелуи.

Взаимные расспросы. Пушкина занимает, что говорят о нём в столицах. Верно ли, что император испугался, увидев фамилию Пушкина в списках приехавших в Петербург, и успокоился, узнав, что это всего лишь его брат?

Пущин честно отвечает другу, что тот «напрасно мечтает о политическом своём значении». Главное, что стихи «приобрели народность по всей России», а друзья ждут его возвращения из изгнания. О своём участии в тайном обществе Пущин говорит сдержанно. Пушкин, возбудившись было, скоро успокаивается: «Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь».

В няниной комнате собрались швеи. Одна из них явно выделяется среди прочих. Друзья обмениваются понимающими взглядами, без слов. То Ольга, восемнадцатилетняя дочь Михаила Калашникова, крепостного в статусе управляющего господским имением. Девушка красивая.

После обеда Пушкин с удовольствием читает вслух привезённый ему в подарок рукописный текст грибоедовского «Горя от ума». Азартно комментирует. Тут некстати заявляется настоятель монастыря Иона, которому уже донесли о госте. Завидев священнослужителя в окне, Пушкин успеваает на всякий случай раскрыть лежащую на столе книгу «Четыи минеи» — жития святых для ежедневного чтения. Пущин неприятно удивлён такой пугливостью друга. Тот же приказывает подать к чаю рома — к вящему удовольствию монаха, а потом, по уходе незваного гостя, возвращается к «Горю от ума». После чего читает своё. Надиктовывает Пущину начало поэмы «Цыганы» для рылеевского альманаха «Полярная звезда».

Хлопнула третья пробка. Пущин в санях, Пушкин на крыльце со свечой в руке: «Прощай, друг!»

В Москве тем временем энергичный литератор Николай Полевой начинает издавать журнал «Московский телеграф». В первом номере Пушкин представлен недурно: в обозрении литературы за прошлый год «Бахчисарайский фонтан» назван «жемчужиной», «Чёрная шаль» — народной песней.

О Пушкине говорят, пишут, спорят. Он — реальный участник литературного процесса. От суеты свободен, а уединение даёт простор для творческих дум. В Михайловском он получил то, что Лев Толстой обретёт потом в Ясной Поляне. Но — дьявольская разница — выехать отсюда он не волен, да и посетители не донимают. Вслед

за отважным Пушциным в апреле в Михайловское явится Антон Дельвиг, вместе с Пушкиным съездит в Тригорское. Прочие опасаются — включая брата Льва. Он с успехом играет роль поэта Пушкина в Петербурге: читает публично «Цыган», другие произведения. Старший брат только строго ему наказывает не давать никому читать вещи, ещё неопубликованные.

С посвящением Льву Сергеевичу Пушкину выходит 16 февраля в свет первая глава «Евгения Онегина». Маленькая книжечка стоит пять рублей, тираж её 2400 экземпляров. Авторский гонорар — три тысячи рублей (за 600 строк текста). Между предисловием и самой главой помещено новое стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом», где автор отстаивает своё право быть литератором-профессионалом. Легендарными станут строки, вложенные поэтом в уста книгопродавца:

Не продаётся вдохновенье,
Но можно рукопись продать.

Предисловие, написанное как бы от имени «издателя» (мистификация, конечно), начинается словами: «Вот начало большого стихотворения, которое, вероятно, не будет окончено».

Почему? Автор достаточно молод, чтобы довести до конца самое пространное сочинение. Потому, может быть, что это произведение пишется в необычном жанре. Роман-жизнь. У такого «стихотворения» не должно быть конца.

Деньги. Приходится всё время о них думать. Пушкин постоянно печётся о своём авторском праве, заботится,

чтобы его не обокрали. В прошлом году Ольдекоп, издатель немецкой газеты в Петербурге, тиснул, не спросив автора, немецкий перевод «Кавказского пленника» вместе с оригиналом. Это отсрочило переиздание поэмы, Пушкин исчисляет убыток в три тысячи. То и дело поминает этого Ольдекопа, нелестным образом рифмуя его фамилию.

И на волю тянет. Пушкин пишет письмо на высочайшее имя, но не отправляет его. По его просьбе к царю обращается мать. Ссылаясь на болезнь сына, просит разрешить ему выехать в Ригу. Ответ: пусть лечит свой аневризм во Пскове. Нет, уж лучше в Михайловском остаться. Номер с аневризмом не проходит.

XXXI

В середине июня в доме Осиповой Пушкин встречается с её племянницей Анной Петровной Керн. Знаком он с ней уже шесть лет: впервые увидел её в Петербурге у Олениных. Анне Петровне 25 лет, она замужем за шестидесятилетним генералом. Пока муж был по службе в Риге, она в Полтавской губернии сошлась с соседом по поместью её родителей Аркадием Родзянко, пушкинским приятелем. Вместе они написали Пушкину шуточное послание, и он отвечает стихами, где весьма фамильярно проходится насчёт двусмысленности поведения «умных жён» и их «домашних друзей».

Пушкин, как потом вспомнит Керн, «неровен в обращении» и не склонен к сердечному сближению. Но когда Прасковья Александровна затевает поездку в Михайловское и Пушкин с Анной Петровной оказываются в одном экипаже, он вдруг делается весёлым и любезным. Во время прогулки по саду вдруг вспоминает дав-

нюю встречу у Олениных, когда его собеседница была совсем невинной девочкой и носила что-то вроде крестика. Мгновенная вспышка...

На следующий день Анне Петровне предстоит вместе с её кузиной Анной Николаевной ехать в Ригу. Пушкин приносит ей в подарок неразрезанный экземпляр первой главы «Евгения Онегина» со сложенным вчетверо листком почтовой бумаги. На нём — текст, которому предстоит стать русским любовным стихотворением номер один:

Я помню чудное мгновенье...

Женщина тянется к шкатулке, чтобы спрятать туда стихи, но автор вдруг выхватывает их у неё из рук и отдаёт, лишь уступив уговорам.

Чудное мгновенье — в прошлом. Дальше — уже любовная игра. Пушкин пишет в Ригу Анне Вульф, упоминая её кузину: «Камень, о который она споткнулась, лежит на моём столе подле увядшего гелиотропа». Анна Петровна много лет спустя уточнит в своих мемуарах, что камня не было, а запнулась она за переплетённые корни деревьев.

Потом Пушкин шлёт в Ригу письма самой Анне Петровне — французские, с вольными двусмысленностями и куртуазными любезностями. Притворно ревнует к мужу и в шутку предлагает бежать от того в Михайловское. Когда же в начале октября Керны появляются в Тригорском и Пушкин знакомится с пожилым Ермолаем Фёдоровичем, он вполне ладит с ним.

Стихотворение, начинающееся строкой «Я помню чудное мгновенье...», появится в альманахе «Северные

цветы на 1827 год» под названием «К***» и будет так именоваться впредь.

Анна Керн — женщина незаурядная, но она, как и многие другие, — биографический повод. Человек-мир в своих любовных стихах ведёт разговор с одной женщиной — Женщиной-Жизнью, которая является перед ним в самых разных ликах. Она целомудренна и порочна, наивна и умна, доверчива и вероломна. Пушкин умеет насладиться всеми вкусовыми оттенками этого спектра.

Но пушкинистам XX века почему-то захочется представить своего героя однолюбом. В книгах и статьях начнутся поиски некоей «утаённой» любви, которую поэт пронёс через всю жизнь. Начнётся это с «вдохновительницы» поэмы «Бахчисарайский фонтан», продолжится как расшифровка «Донжуанского списка», где по-разному могут быть поняты такие записи, как «Анна», «Мария» и тем более «N. N.». Претендентками на исключительную роль в сердечной жизни поэта будут объявлены и юная Мария Раевская, и её старшая сестра Екатерина, и Наталья Кочубей (в замужестве Строганова), и Елизавета Воронцова, и Каролина Собаньская. Юрий Тынянов в статье «Безыменная любовь» отстаивает гипотезу, согласно которой с лицейских лет и до последних дней Пушкин пронёс страстное чувство к Екатерине Андреевне Карамзиной. Вероятно, если бы Тынянову довелось закончить роман «Пушкин», там эта мысль могла бы обрести убедительное художественное воплощение. Однако с однозначной научной точностью «назначить» кого-либо женщиной номер один в судьбе Пушкина (во всяком случае до женитьбы) едва ли возможно. Любовь как таковая не поддаётся строгому определению и описанию, к тому же человек (осо-

бенно творческий) может испытывать одновременно несколько любовных переживаний, подолгу хранить в душе интимные воспоминания. Поиски единственной «утаённой любви» — явное упрощение, не приближающее нас к внутреннему миру великого человека и немного дающее для понимания его творений.

Что же касается Анны Петровны Керн, то её отношения с Пушкиным после взаимной вспышки страсти приобретают ровный дружеский характер. Поэт впишет ей в альбом несколько шуточных мадригалов. Станет заходить к ней в гости по пути к родителям, обитающим в дугообразном доме на Фонтанке у Семёновского моста. Порой они будут встречаться за столом у Надежды Осиповны, о чём в воспоминаниях Анны Керн будет зафиксирована трогательная подробность: мать «заманивала его к обеду печёным картофелем, до которого Пушкин был большой охотник».

А тогда, в июле 1825 года, Пушкин узнаёт, что доктор хирургии, профессор Дерптского университета Мойер собирается по просьбе Жуковского приехать в Псков, чтобы оперировать пресловутый аневризм и «спасти первого для России поэта». Приходится больному учтиво отказаться от благодеяния.

XXXII

Пушкин пишет «Бориса Годунова» и любит апельсины. На ярмарке в Пскове его видят в красной рубахе и таких же штанах. В обеих руках держит по апельсину. Так сдавливают их, что сок течёт по одежде, и тамошний капитан-исправник делает ему замечание: мол, не-

прилично благородному лицу так себя вести. Пушкин смеётся.

Тем же летом к соседу Пещурову в их село Лямоново приезжает племянник Александр Горчаков. Узнав, что лицейский товарищ неподалеку, туда устремляется Пушкин. Преуспевающий дипломат Горчаков кажется каким-то высохшим. Пушкин читает ему сцену из «Годунова», а тот критикует простонародную грубость выражений. Прощаются холодно.

Простота выражения — это пушкинский конёк. И на нём он далеко ускакал. Где-то позади остались и «Кавказский пленник», и «Цыганы», по которым сейчас судят о Пушкине. А он садится в седло и сочиняет во время прогулки верхом сцену разговора Самозванца с Мариной Мнишек у фонтана. По возвращении домой спешно записывает, но недоволен: что-то пропало.

Пройдёт столетие, и Пушкина станут называть создателем русского литературного языка. Эта красивая гиперболоа, понятая буквально, превращается в научный миф. Создать новый национальный язык в одиночку не может даже гений. Точнее будет сказать, что Пушкин, уловив внутреннее движение русского языка, придал ускорение этому естественному процессу. Он творит в соавторстве с языком, достигая гармоничного баланса высокого и «низкого» стилей, поэтической и разговорной стихий, исконно русской и иноязычной лексики. Использование простонародных и бранных слов для Пушкина не самоцель, а определённый эстетический расчёт. Вяземский потом вспомнит, что Пушкин «в речи своей мало простонародничал». Письма — дело другое, это своеобразный полигон для творческих экспериментов с экстремальной лексикой.

Седьмого ноября «Борис Годунов» был закончен. В развесёлом письме Вяземскому автор извещает: «Трагедия моя кончена; я перечёл её вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!»

Подурачившись, Пушкин тут же всерьёз призадумывается о будущем своего творения. И тревожится: «Жуковский говорит, что царь меня простит за трагедию — навряд, мой милый. Хотя она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!»

Вспомним: юродивый у Пушкина жалуется царю Борису на уличных ребятишек: «Вели их зарезать, как зарезал ты маленького царевича». Не увидит ли император здесь намёк на то, что он в 1801 году не помешал заговорщикам задушить своего отца Павла I?

Но не успевает царь прочитать это сочинение. 19 ноября он скоропостижно умирает в Таганроге. Эта новость нескоро доходит до Псковщины. В Новоржеве солдат, приехавший из Петербурга, рассказывает о кончине императора Александра. Пушкин посылает кучера Петра — проверить.

Что-то важное сейчас произойдёт в Петербурге. Ехать туда?

Пушкин оформляет себе «билет» на имя Алексея Хохлова, крепостного Прасковьи Осиповой, и с садовником Архипом Курочкиным 1 или 2 декабря отправляется из Михайловского в Петербург. Но вскоре велит повернуть назад. Потом сошлётся на дурную примету: дескать, заяц дорогу перебежал.

Зайцу этому — реальному или «виртуальному» — суждено будет войти в историю культуры как спасителю великого поэта. Мол, не останови он Пушкина — тот бы

угодил в самое пекло истории, приняв участие в восстании декабристов. В общем, это резонно и подтверждается словами самого поэта о том, что он делал бы 14 декабря, находясь в столице.

Однако о предстоящих потрясениях никому ещё не ведомо. Пушкин полагает, что престол по законному праву унаследует Константин Павлович: «Радуюсь восшествию на престол Константина I» (из письма П. Катенину). К нему можно обратиться с просьбой о снятии опалы, о разрешении жить в Петербурге, а то и о поездке за границу. Но всё-таки, наверное, уместнее действовать через друзей. К ним Пушкин и взывает в письме Петру Плетнёву в начале декабря, после импульсивного порыва ехать в столицу: «Милый, дело не до стихов — слушай в оба уха: если я друзей моих не слишком отучил от ходатайства, вероятно, они вспомнят обо мне... Если брать, так брать — не то, что и совести марасть — ради бога, не просить у царя позволения мне жить в Опочке или в Риге; чёрт ли в них? а просить или о въезде в столицу, или о чужих краях».

Четырнадцатого декабря Пушкин заканчивает написанную «в два утра» небольшую поэму «Граф Нулин». Вызывающе простая фабула. Приехавший из-за границы граф, поклонник всего иностранного и довольно пустой человек (фамилия ему дана «говорящая»), случайно попадает в дом провинциальной барыни Натальи Петровны. Она с ним кокетничает, и он по недоумию отправляется к ней ночью в спальню. Получает пощёчину и со стыдом ретируется. Утром возвращается с охоты муж хозяйки. Граф срочно уезжает, отказавшись от обеда. За столом Наталья Петровна рассказывает о ночном инциденте мужу. Тот возмущён. И тут появляется припасённый для финала новый персонаж — Лидин,

«их сосед, помещик двадцати трёх лет». Почему он смеётся — читатель должен уразуметь сам.

Ещё, по замыслу Пушкина, читатель должен уловить здесь намёк на поэму Шекспира «Лукреция». О ночном приключении Нулина говорится: «К Лукреции Тарквиний новый / Отправился, на всё готовый». Лукреция — жена римского патриция, изнасилованная царским сыном Тарквинием и покончившая с собой. После этого события в Риме начинается бунт, который приводит к свержению власти и установлению республики.

Тонкая «интертекстуальная» игра, однако, сразу понятна не будет, и автору придётся в 1830 году в «Заметке о “Графе Нулине”» разъяснить — уже не современникам, а потомкам — своё намерение «пародировать историю и Шекспира». «Заметка», впервые опубликованная лишь в 1855 году, заканчивается словами: «Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. “Граф Нулин” писан 13 и 14 декабря. Бывают странные сближения».

Под «странным сближением» (само это сочетание войдёт в разряд «крылатых слов») Пушкин имеет в виду иронию судьбы, иронию самой истории. Ведь весёлую поэму с историческим подтекстом автор завершает как раз в тот момент, когда после воцарения Николая I восставшие полки вышли на Сенатскую площадь.

Пушкин узнаёт об этом через три или четыре дня, находясь в Тригорском, от приехавшего из Петербурга повара Осиповой — Арсения. Пока он дописывает четвертую главу «Евгения Онегина», читает «Бориса Годунова» Алексею Вульффу («Ко мне забредшего соседа, / Поймав нежданно за полу, / Душу трагедией в углу»).

В Петербурге 30 декабря поступает в продажу книга «Стихотворения Александра Пушкина». Поэт благодарит

Плетнёва за её издание и жалуется на молчание друзей: «Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит. Надеюсь для них на милость царскую».

Нерчинск — город в Забайкалье, где вскоре окажутся многие декабристы. Их судьба вызывает у Пушкина искреннюю тревогу — и в то же время он излагает здесь ту версию своих отношений с декабристами, которую надлежит транслировать наверх: «...Не может ли Жуковский узнать, могу ли я надеяться на высочайшее снисхождение, я 6 лет нахожусь в опале, а что ни говори — мне всего 26. Покойный император в 1824 году сослал меня в деревню за две строчки нерелигиозные — других художеств за собою не знаю. Ужели молодой наш царь не позволит удалиться куда-нибудь, где бы потеплее? — если уж никак нельзя мне показаться в Петербурге — а?»

Ту же версию — о ссылке за «неверие» — Пушкин разрабатывает и в письме Жуковскому. Пушкин не уверен, что его не прочитают «третьи лица», по отношению к которым он выдерживает здесь дипломатичный тон: «Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел, но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявили о том полиции. Но кто ж, кроме полиции и правительства, не знал о нём? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности».

Самому же Жуковскому он даёт честный отчёт: о том, что в Кишинёве был дружен с В.Ф. Раевским, Пуциным и

Орловым, что был масоном в кишинёвской ложе, что находился в связи с большей частью заговорщиков. Такая откровенность бывает в разговоре подсудимого с адвокатом. В качестве ещё одного адвоката Пушкин надеется привлечь Карамзина: «Прежде, чем сожжёшь это письмо, покажи его Карамзину и посоветуйся с ним. Кажется, можно сказать царю: Ваше величество, если Пушкин не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?»

Неизвестно ещё Пушкину, что Карамзин тяжело болен — после того как простудился 14 декабря, придя на Сенатскую площадь. 22 мая Карамзин уйдёт из жизни, о чём Пушкин с изрядным опозданием узнает из письма Вяземского. «Карамзин принадлежит истории», — напишет Пушкин в ответ, а впоследствии издание «Бориса Годунова» будет открываться так: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин».

XXXIII

В январе 1826 года закончена четвёртая глава «Евгения Онегина». Тут же стремительно пишется пятая. Знаменитое впоследствии описание «Зима! Крестьянин торжествуя...». Сон Татьяны... Пушкин в отличной форме.

В феврале уже распроданы все 1200 экземпляров книги «Стихотворения Александра Пушкина». Издание приносит ему восемь тысяч рублей гонорара.

Тем временем ведётся следствие по делу декабристов, по ходу которого проясняется степень популярности среди них пушкинских стихов. В апреле Пушкин уничтожает свои записки, где слишком много свидетельств его связи с бунтовщиками.

Одиннадцатым мая 1826 года датирован следующий документ:

«Я, нижеподписавшийся, обязуюсь впредь ни к каким тайным обществам, под каким бы они именем ни существовали, не принадлежать; свидетельствую при сём, что я ни к какому тайному обществу таковому не принадлежал и не принадлежу и никогда не знал о них.

10 класса Александр Пушкин».

Сие на отдельном листе приложено к прошению на высочайшее имя. Пушкин там утверждает, что в 1824 году заслужил «гнев покойного императора легкомысленным суждением касательно афеизма, изложенным в одном письме», ссылается на свой аневризм, требующий лечения, и просит «позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края».

Прошение идёт по инстанциям, по пути к нему добавляется свидетельство Псковской врачебной управы о том, что заявитель «затрудняется в движении вообще» (в дальнейшем Пушкин о своём аневризме не вспомнит никогда).

XXXIV

В конце апреля или начале мая Пушкин пишет близкому другу: «Милый мой Вяземский, ты молчишь, и я молчу; и хорошо делаем — потолкуем когда-нибудь на досуге. Покамест дело не о том. Письмо это тебе вручит очень милая и добрая девушка, которую один из твоих друзей неосторожно обрюхатил. Полагаюсь на твоё человеколюбие и дружбу. Приюти её в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медве-

ди). Ты видишь, что тут есть о чём написать целое послание во вкусе Жуковского о попе; но потомству не нужно знать о наших человеколюбивых подвигах.

При сём с отеческою нежностью прошу тебя позаботиться о будущем малютке, если то будет мальчик. Отсылать его в Воспитательный дом мне не хочется, а нельзя ли его покамест отдать в какую-нибудь деревню — хоть в Остафьево. Милый мой, мне совестно ей-богу... но тут уж не до совести. Прощай, мой ангел, болен ли ты или нет; мы все больны — кто чем. Отвечай же подробно».

Первого июля у Ольги Калашниковой рождается сын Павел. Прожить ему суждено лишь два с половиной месяца...

А с 19 по 24 июля вокруг да около Михайловского приехавший из столицы коллежский советник Бошняк под видом «путешествующего ботаника» собирает информацию о ссыльном. На руках у него «открытое предписание», карт-бланш, куда надо только вписать имя «одного чиновника, в Псковской губернии находящегося». Однако, не найдя ничего компрометирующего Пушкина, Бошняк «к арестованию» не приступает и возвращается восвояси.

В конце июля Пушкин узнаёт о том, что в Италии умерла Амалия Ризнич. Пишет стихи о любви, которая давно прошла:

Из равнодушных уст я слышал смерти весть,
И равнодушно ей внимал я.

(«Под небом голубым страны своей родной...»)

Под стихами, названными поначалу «29 июля 1826», в рукописи две пометки. Одна — о смерти Ризнич, другая: «у о с. Р. П. М. К. Б.: 24». Это означает: «услышал о смерти Рылеева, Пестеля, Муравьёва-Апостола, Каховского, Бестужева-Рюмина 24 июля».

Пятеро декабристских вожаков были повешены в кронверке Петропавловской крепости ранним утром 13 июля. Приговор жестокий: ведь в России смертной казни не было со времён Елизаветы Петровны. В порядке монаршей «милости» четвертование заменено повешением.

Пушкин долго будет пребывать под впечатлением от этого события. Рисунки с виселицей и телами казнённых не раз появятся на страницах его рукописей. Он думает и о друзьях, сосланных в Сибирь. Напишет Вяземскому: «Ещё и таки я всё надеюсь на коронацию; повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

Коронация состоится 22 августа. Чаемой амнистии декабристам не последует.

XXXV

Меж тем у царя доходят руки до опального поэта, до прошения, поданного его матерью. «Пушкину прибыть прямо ко мне» — таково высочайшее распоряжение.

Третьего сентября 1826 года Пушкин ещё гуляет в Тригорском, возвращается домой поздно вечером. А ночью в Михайловском появляется фельдъегерь. Времени на сборы Пушкину почти не дают. Он берёт с собою пистолеты, спешно сжигает некоторые рукописи, в том числе тетрадь с автобиографическими записками.

Около пяти часов утра 4 сентября Пушкин отправляется в Москву. Что его ждёт? За два года им столько напи-

сано, прочитано, продумано. Он полон мыслей и энергии. Творец собственного поэтического царства, он не страшится встречи с царём. Предстоящее скорее вызывает азарт. Что бы ни произошло — игра предстоит крупная.

Пятнадцать лет не видел Пушкин Москвы. Эмоциональную остроту встречи с этим городом он передаёт потом в седьмой главе «Евгения Онегина», описывая приезд Лариных «на ярманку невест».

Восьмое сентября. Кремлёвская канцелярия, а потом Чудов монастырь, где обитает Николай Павлович. «Император принял меня самым любезным образом», — напишет потом Пушкин П. Осиповой.

Действительно, в отличие от Александра I, не решавшего участь поэта, но при этом не удостаивавшего его беседы, новый царь целых два часа говорит с глазу на глаз с изгнанником и отныне даёт ему свободу передвижения. Одного этого достаточно, чтобы расположить к себе поэта, уже шесть лет лишённого возможности жить в столицах.

Император задаёт Пушкину прямой вопрос: что бы он делал, если бы 14 декабря был в Петербурге? Тот откровенно отвечает: «Неизбежно, Государь, все друзья мои были в заговоре, и я был бы в невозможности отстать от них» (так передаст много лет спустя пушкинские слова Анна Хомутова, слышавшая их 26 октября 1826 года на вечере в честь поэта в доме Марии Римской-Корсаковой).

Заходит речь о цензурных притеснениях, и Николай обещает оградить Пушкина от них. Он берётся сам быть его цензором. Предложение неожиданное и необычное.

Пушкин в приподнятом настроении отправляется в гостиницу «Европа» на Тверской улице. А царь во время

вечернего приёма у французского посла говорит Дмитрию Блудову (некогда товарищу Пушкина по «Арзамасу», а теперь влиятельному сановнику), что разговаривал нынче «с умнейшим человеком России».

Кажется, что царь и поэт хорошо поняли друг друга. Может быть, между поэтом и царём возможно равноправное сотрудничество?

Теперь, почти два столетия спустя, мы располагаем множеством фактов и сюжетов на тему отношений художника и власти. И знаем, что в российской истории это опыт исключительно негативный.

Но Пушкин пробует. Рискует.

И ещё Пушкин наконец встречается со своей славой. В провинции он о ней только слышал и читал. А теперь въяве ощущает всю прелесть положения «живого классика».

Друзья старые и новые. Блестящий и остроумный Сергей Соболевский становится «путеводителем Пушкина по Москве», по выражению Ксенофонта Полевого. Через него отправляется вызов на дуэль Фёдору Толстому, которого Пушкин считает главным распространителем гнусной сплетни шестилетней давности о том, что поэт был подвергнут телесному наказанию. Соболевский, однако, улаживает конфликт. Через полгода с небольшим он предотвратит ещё одну дуэль. Если бы он оказался рядом с Пушкиным и десять лет спустя...

Дома у Соболевского Пушкин читает «Бориса Годунова». Слушают и старые, и новые знакомые. Чаадаев. Композитор-дилетант Михаил Виельгорский, сочинивший музыку к песне Земфиры. Двадцатилетний Иван Киреевский, будущий критик, а пока служащий архива Мини-

стерства иностранных дел. Его ровесник Дмитрий Веневитинов, дальний родственник Пушкина, талантливый поэт, который напечатал дельный разбор первой главы «Онегина» — лучшее пока, что написано на эту тему. Ему предстоит переезд в Петербург, а через полгода — безвременная кончина на двадцать втором году жизни.

Веневитинов — глава кружка «любомудров» (русская калька греческого слова «философ»). Ещё любомудров с лёгкой руки Соболевского называют «архивными юношами» — по месту службы некоторых из них. Затеваётся журнал «Московский вестник», издавать который будет писатель и историк Михаил Погодин. С ним Пушкин знакомится у Веневитинова. В этом доме, что в Кривоколенном переулке, где живут Дмитрий и его брат Алексей, 12 октября происходит пятое уже чтение автором «Бориса Годунова», самое историческое.

Присутствуют братья Иван и Пётр Киреевские, братья Фёдор и Алексей Хомяковы, Степан Шевырёв — цвет будущего славянофильства. Как скажет потом Шевырёв, во время этого вдохновенного чтения Пушкин выглядит «красавцем». Помимо «Годунова» звучат «Песни о Стеньке Разине», впервые исполняется недавно сочинённый пролог к «Руслану и Людмиле»: «У лукоморья дуб зелёный...». Всеобщий восторг, полный триумф.

Вскоре Алексей Хомяков собирает у себя на Петровке будущих сотрудников «Московского вестника». Среди гостей — Пушкин и польский поэт Адам Мицкевич. Между лидерами двух славянских литератур сразу возникает близость, человеческая и творческая.

Создатели нового журнала рады участию в нём Пушкина. С ним заключается особый договор на десять тысяч рублей в счёт предстоящих публикаций (реально, как

свидетельствует Шевырëв, будет выплачена одна тысяча, которая уйдëт на оплату карточного долга).

Пушкину интересны «любомудры», молодые, образованные, полные вольнолюбивых мечтаний («ребята тёплые, упрямые», — напишет он о них потом Дельвигу). Но их увлечённость немецкой философией, умственными абстракциями ему чужда. Вспомним, с какой лёгкой иронией описан во второй главе «Онегина» Владимир Ленский, «с душою прямо геттингенской». Эта глава, кстати, как раз в октябре 1826 года выходит отдельным изданием.

Пушкин способен увлечься самыми разными идеями, но ни к одной он не попадает в зависимость. Воплощать философию в образах и сюжетах — это не для него. Пушкин творит свободно, а его произведения (по отдельности и в целом) потенциально философичны. То есть они многозначны и могут трактоваться разными способами. Такое искусство по большому счёту и сложнее, и выше «идейного». Недаром одним из самых преданных Пушкину писателей в XX веке стал Владимир Набоков, ни в грош не ставивший «литературу больших идей».

В «Московском вестнике» появятся пушкинские тексты: это и сцены из «Бориса Годунова», и отрывки из «Евгения Онегина», и программные стихотворения «Пророк» (под названием «Поэт»), «Поэт и толпа» (под названием «Чернь»), «Поэту» и многое другое. Но не удастся Пушкину внедрить в журнал близких ему поэтов: не приживутся там Баратынский и Языков. После смерти Веневитинова, отъезда за границу некоторых молодых и активных сотрудников журнал начинает хиреть. Читательского успеха нет. Тираж — всего 600 экземпляров, а потом и в половину меньше. Пушкин отдаляется.

Куда более успешен «Московский телеграф», издаваемый Николаем Полевым, сделавшим ставку не на поэзию и прозу, а на критику, публицистику, материалы по науке и истории, экономике, торговле («бизнесу», как сказали бы сегодня). Журнал боевой, чуткий к духу времени. До некоторой степени здесь предвосхищён тот идейный вектор, который сто с лишним лет спустя обнаружится в шестидесятническом «Новом мире» Александра Твардовского. Плюс к тому богатый визуальный ряд: модные картинки, гравюры, портреты знаменитостей, рисунки мебели и экипажей.

Там на первых ролях Вяземский, через него Пушкин передавал свои стихи. Будут в этом журнале и статьи Пушкина. Ещё живя в Михайловском, он в письме Полевому назвал «Московский телеграф» лучшим «из всех наших журналов». Но при личной встрече в Москве у Пушкина с Полевым сближения не происходит, несмотря на явный пиетет издателя по отношению к поэту. Младший брат издателя Ксенофонт Полевой видел возможную причину в аристократическом высокомерии Пушкина: Полевые по происхождению были купцами. Но дело, по-видимому, в другом. Для Николая Полевого ориентиром остаётся романтизм, а Пушкин уже живёт чем-то другим.

Пушкин постепенно приближается к своему литературному одиночеству. И понимает его неизбежность. «Итак, никогда порядочные литераторы у нас вместе ничего не произведут! Всё в одиночку», — сетует он в письме Вяземскому по приезде в Михайловское 9 ноября.

XXXVI

В Михайловском он пишет заказанную Николаем I через Бенкендорфа (начальника Третьего отделения

Собственной Его Императорского Величества канцелярии) записку «О народном воспитании». Скованный официальным «форматом», Пушкин тем не менее проводит здесь некоторые искренние идеи. Критикует домашнее воспитание, доказывает необходимость общественных учебных заведений. Предлагает отменить экзамены на чин, ставшие вследствие общей продажности «новой отраслю промышленности». Естественно, высказывается против телесных наказаний. Защищает заграничное образование и приводит как положительный пример учившегося в Геттингене Николая Тургенева — в то время как того, находящегося в Англии, начали заочно судить за участие в декабристском движении.

Некоторые положения записки сохраняют актуальность и много лет спустя. Например, такое: «История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное?» В дальнейшем же, советует он, следует историю изучать по Карамзину.

Царь через Бенкендорфа вежливо благодарит Пушкина, но не поддерживает идею «просвещения», предпочитая ей «нравственность». «Мне вымыли голову» — так резюмирует ситуацию сам Пушкин.

Николай I не очень понимает поэта, а поэт хочет понять царя.

Пушкин вернулся из ссылки зрелым человеком и художником. Он уже выстроил свой мир, который ещё можно дополнять, расширять. Литературные рамки ему уже тесны, хочется мысленно сравнивать себя не с коллегами по цеху, а с вершителями истории. Это не гор-

дось, не амбиция, а тяготение к простору, к глобальному масштабу. У него уже есть опыт творческого перевоплощения и в царя Бориса, и в Самозванца.

Возможен ли диалог властелина с властителем? Властителя дум с властителем огромной страны?

«Он верит в знанье друг о друге / Предельно крайних двух начал», — скажет через 110 лет Борис Пастернак, когда так же будет пытаться разгадать тайну властной харизмы, проникнуть во внутренний мир тирана. Но Пастернаку-то хорошо известен пушкинский опыт, и он с горькой иронией перефразирует пушкинские «Стансы»: «Столетье с лишним — не вчера, / А сила прежняя в соблазне / В надежде славы и добра / Смотреть на вещи без боязни». После чего будет стараться уйти в тень, погрузиться в неизвестность. До поры это ему удастся.

Пушкин — первопроходец на роковой тропе. Его «Стансы» — не почтительная ода, а разговор с императором на равных. Сопоставление Николая с Петром I — это аванс, который нынешний правитель ещё должен отработать:

Семейным сходством будь же горд;
Во всём будь пращуру подобен:
Как он, неутомим и твёрд,
И памятью, как он, незлобен.

Последний стих — недвусмысленный совет проявить милосердие по отношению к декабристам.

Пушкин получил уникальную возможность быть прочитанным царём, и он этой возможностью пользуется, что называется, по максимуму. При всех тактических оговорках «Стансы» — стратегически честный и мудрый поступок. Независимо от результата. Когда через десять лет

поэт станет подводить итог своего пути, он будет вправе написать: «И милость к падшим призывал».

Как достойно держаться писателю по отношению к власти и по отношению к оппозиции?

Вопрос, не имеющий однозначного теоретического решения. Бывают писатели верноподданные — это либо люди ограниченные, либо циничные приспособленцы. Бывают борцы и бунтари — некоторые ригористы считают, что все творческие люди обязаны быть таковыми. А возможна ли позиция «над схваткой», позиция разумного компромисса, когда единственная цель писателя — человечность, ослабление жестокости и смягчение политических нравов?

Эту «нишу» и стремится создать Пушкин, угодивший в политический водоворот по воле судьбы. Одновременно со «Стансами» он адресует с сердечным приветом к Пущину, ждущему отправки в пожизненную каторгу («Мой первый друг, мой друг бесценный!»), потом пишет легендарное послание декабристам «Во глубине сибирских руд...».

Двадцать шестого декабря Пушкин встречается в доме Зинаиды Волконской с уезжающей в Сибирь к мужу Марией Волконской (знакомой ему со времён, когда она была Марией Раевской). А 2 января 1827 года в Сибирь отправляется жена Никиты Муравьёва — Александра. С ней Пушкин передаёт своё послание, говоря на прощание: «Я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в своё общество; я не стоил этой чести». Сказано с аристократической широтой и великодушием, но не без боли сердечной. Муравьёва расскажет потом, что, прощаясь, Пушкин так сжал её руку, что она не могла после этого продолжить начатое ею письмо.

Тринадцатого июля 1827 года исполняется год со дня казни пятерых декабристов. 16 июля Пушкин пишет стихотворение «Арион», где использует миф о певце, которого хотят во время путешествия по морю убить перевозчики, но он бросается в воду, и его спасает дельфин.

Миф у Пушкина радикально трансформирован: в его произведении певец находится среди единомышленников, среди равных («Нас было много на челне»), причём у него особая, творческая роль: «Пловцам я пел». Так Пушкин обозначает свою роль в истории декабризма, и его творческая версия не лишена оснований: действительно, в его крамольных стихах рядовые участники тайных обществ видели выражение собственных чаяний. Многие из них версифицировали на самодеятельном уровне и в Пушкине видели корифея вольнодумного стихотворного хора. Но отношения поэта с «кормщиками», то есть с лидерами декабризма, были не так просты.

Стоит прислушаться к позднему мнению Вяземского: «Рылеев и Александр Бестужев, вероятно, признавали себя такими же вкладчиками в сокровищницу будущей русской литературы, как и Пушкин...» То есть представление о том, что декабристы берегли Пушкина как исключительное дарование и будущую славу России, довольно упрощённо.

И смысл стихотворения «Арион» шире, чем манифестация верности декабристским идеям. Подобно тому как шедевры пушкинской любовной лирики становятся независимыми от адресатов и биографических «поводов», так и это символическое стихотворение — свидетельство верности поэта своему высшему призванию:

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,

Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Художник-гений в своём развитии устремлён к сердцевине мироздания. На этом таинственном пути он не может полностью отождествить себя ни с оппозицией, ни с властью.

А исторический сюжет «Пушкин и декабристы» складывается из множества «личных» линий. Вот случайная и в то же время символичная встреча 14 октября 1827 года. Приведём фрагмент из официального донесения, поданного начальству фельдъегерем Подгорным: «Отправлен я был сего месяца 12-го числа в гор. Динабург с государственными преступниками, и на пути, приехав на станцию Залазы, вдруг бросился к преступнику Кюхельбекеру ехавший из Новоржева в С.-Петербург некто г. Пушкин и начал после поцелуев с ним разговаривать».

Пушкин пытается передать другу денег. Фельдъегерь отказывает ему в этом. Пушкин грозит пожаловаться государю императору, Бенкендорфу. Зачем-то говорит, что сам был посажен в крепость, а потом отпущен. После этого Подгорный ещё решительнее велит растащить друзей в разные стороны.

«Свидания с тобою, Пушкин, ввек не забуду», — пишет потом Кюхельбекер.

XXXVII

Александр Пушкин — человек-мир. Он вбирает в себя всё сущее, ни одна из жизненных сил и стихий ему не чужда. Ему интересны самые разные люди — и царь, и бунтарь.

Пушкин — первый русский писатель, выстраивающий универсальную картину бытия. И он не может пренебречь новым опытом, пусть самым горьким. Он открыт всем людям, но уже ни с кем не сойтись ему полностью и безоговорочно. Его цель как художника больше, чем слава, она выше любого общественного статуса.

Император Николай — человек-частица, элемент властной системы. Он может по-актёрски играть, примерять разные личины, но в целом поведение его фатально обусловлено довольно элементарной стратегией: сохранить власть во что бы то ни стало. Он не может себе позволить роскошь личного выбора (как это позволяли себе его пращур Пётр I или его наследник Александр II).

«Николай I был карьеристом», — скажет потом Юрий Тынянов. Этот иронический парадокс содержит глубокую мысль. Всем правителям свойственна та или иная степень властолюбия, но оценивается их деятельность по тому, что у них имелось сверх этого. И тот, кто стремился только к сохранению власти, действительно может быть назван карьеристом.

Равенство между этими двумя людьми невозможно, даже условное. Дальнейшие отношения поэта с властью развиваются уже в форме бюрократически-полицейского контроля. Прямого контакта между Пушкиным и Николаем нет: всё через Бенкендорфа.

Пушкину поставлено в вину несанкционированное чтение в Москве «Бориса Годунова». В ответ он шлёт Бенкендорфу рукопись с первоначальным названием «Комедия о царе Борисе и Гришке Отрепьеве».

Текст передаётся на отзыв «эксперту» (по всей видимости, им выступил Фаддей Булгарин). Рецензия составлена довольно хитро. К политическому содержанию пре-

тензий как будто нет: «Дух целого сочинения монархический, ибо нигде не выведены мечты о свободе, как в других сочинениях сего автора...» Претензии эстетические, к «литературному достоинству»: «Всё — подражание, от первой сцены до последней. Прекрасных стихов и тирад весьма мало».

И кому же подражает Пушкин, по мнению строгого судьи? «Кажется, это состав вырванных листов из романа Вальтера Скотта». Это довольно абсурдное утверждение приходится по вкусу августейшему цензору и покровителю поэта. Тем более что вникать в сам пушкинский текст, не очень к тому же аккуратно переписанный, ему недосуг. Он уже от своего имени повторяет рецензентскую пошлость и пишет карандашом на полях: «Я считаю, что цель г. Пушкина была бы выполнена, если бы с нужным очищением переделал комедию свою в историческую повесть или в роман, наподобие Вальтера Скотта».

Нормальная практика для самодержцев — подхватить чужое словечко и с ним войти в историю культуры. Когда через 100 лет Маяковский будет высочайше назван «лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» — это тоже будет сделано с чужих слов, по чужой наводке.

Выход в свет «Бориса Годунова» будет отсрочен на четыре года. Любимое, заветное произведение, сочетающее философическую глубину с разговорной простотой языка, при жизни автора так и не будет оценено по достоинству.

XXXVIII

Царская опека не ограждает Пушкина от судебных преследований. В январе 1827 года его вызывают к московскому обер-полицеймейстеру. Заведено дело об

элегии «Андрей Шенье», написанной Пушкиным в Михайловском летом 1825 года. Андре Шенье — французский поэт, казнённый якобинцами во время революции. Он привлёк внимание Пушкина своей внутренней свободой, неприятием какой бы то ни было жестокости. Однако стихи сразу показались цензору подозрительными, и большой кусок при издании «Стихотворений Александра Пушкина» был оттуда изъят. Этот фрагмент стал распространяться в списках с заглавием «На 14 декабря».

Пушкину приходится письменно разъяснять, что, например, строки «Убийцу с палачами / Избрали мы в Цари» относятся к Робеспьеру и Конвенту. «Все сии стихи никак, без явной бессмыслицы не могут относиться к 14 декабря», — пишет он в своих показаниях. Но сам-то в декабре писал Плетнёву: «Я пророк, ей-богу, пророк!» Имея в виду не тронутые цензурой слова «Падёшь, тиран!» и смерть Александра I.

Антитиранические стихи — это всегда потенциальная крамола: не в того царя попадут, так в другого.

Дело протянется до июня 1828 года, в итоге за Пушкиным будет установлен секретный надзор. И тут же добавится скандал с «Гавриилиадой» — шуточной поэмой, написанной в Кишинёве весной 1821 года. Там дерзко обыграны и ветхозаветный сюжет грехопадения, и евангельский сюжет Благовещения. Сатана, архангел Гавриил и Святой Дух в образе голубя отдают должное прелестям Девы Марии, которая весьма прозаично подводит итог: «Досталась я в один и тот же день / Лукавому, Архангелу и Богу».

Написано в духе французской фривольной поэзии, не без влияния Эвариста Парни с его «Войной богов». Но

в России к таким кощунственным проделкам относятся строже. «Гавриилиада» ходила в списках, один из которых оказался в руках отставного штабс-капитана Митькова. Его крепостные люди, желая за что-то отомстить барину, выкрадывают рукописную книгу, где среди прочих «сладоострастных» сочинений была и пушкинская поэма. Пожаловаться на господина холопы могут только по церковной линии — вот эти люди из народа и пишут донос в духовную консисторию: дескать, Митьков читал им крамольную поэму, чтобы внушить «презрение к религии». На самом деле этого не было.

Митрополит Серафим даёт жалобе дальнейший ход и в письме статс-секретарю Муравьеву восхищается «благородными чувствованиями» доносчиков и проклинает поэта: «Поистине, сам Сатана диктовал Пушкину поэму сию!» И, конечно, злит иерарха тот факт, что «Пушкина выдают нынешние модные писатели за отличного гения, за первоклассного стихотворца!»

Вызванный к петербургскому генерал-губернатору Голенищеву-Кутузову, Пушкин отрицает своё авторство. Отвечает, что видел и переписывал поэму, будучи лицеистом. Но в покое его не оставляют. Пушкин даже решает приписать авторство «Гавриилиады» покойному сатирику князю Дмитрию Горчакову и пишет Вяземскому: «...Я, вероятно, отвечу за чужие проказы» (чтобы Вяземский держался той же версии да и на случай, если письмо будет вскрыто).

В конце концов в дело вмешивается царь и велит петербургскому главнокомандующему графу Петру Толстому «призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог

сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем».

Толстой, сообщая это Пушкину, говорит о царском «благоснисхождении» и требует открыть истину. Пушкин долго молчит и раздумывает. Потом пишет царю письмо с признанием в своём авторстве и в запечатанном виде передаёт Толстому.

На этом дело прекращено. Автор «Гавриилиады» отныне с неохотой будет говорить об этом сочинении. Не только потому, что оно доставило ему столько тревог и опасений, но и потому, что он далеко ушёл от юношеской беззаботной шутливости. Его уже не тянет иронически говорить о любви и о семейной жизни так, как это сделано в последних строках злополучной поэмы:

...Даруй ты мне блаженное терпенье,
Молю тебя, пошли мне вновь и вновь
Спокойный сон, в супруге уверенье,
В семействе мир и к ближнему любовь.

XXXIX

Пушкин повзрослел. Неожиданно для него самого его посещает стремление к женитьбе и созданию семьи. Осенью 1826 года он по приезду в Москву знакомится в доме Василия Зубкова на Малой Никитской с двадцатилетней Софьей Пушкиной, дальней своей родственницей. «Я вижу её в ложе, в другой на бале, в третий раз сватаюсь» — так три года спустя сам Пушкин изложит эту историю. Сватовство не увенчалось успехом, Софья вскоре выйдет замуж за другого.

А в декабре того же года, приехав в Москву и остановившись у Соболевского в его доме на Собачьей пло-

щадке, Пушкин бывает на балах в Дворянском собрании. Там он знакомится с семнадцатилетней Екатериной Ушаковой. Наведывается в дом Ушаковых на Средней Пресне, пишет стихи в альбомы Екатерине и её младшей сестре Елизавете. Будет и потом заглядывать сюда, приезжая в Москву.

В альбоме Елизаветы в 1829 году появится легендарный пушкинский «Донжуанский список» — шуточный и серьёзный одновременно. Запись «Екатерина IV», по мнению некоторых пушкинистов, относится к старшей из сестёр Ушаковых. Слухи о возможной женитьбе Пушкина на Екатерине до 1830 года циркулируют в разговорах и письмах друзей.

Можно, однако, предположить, что Пушкина привлекла скорее сама семейная атмосфера ушаковского дома. Два экспромта, адресованные Екатерине, пылкими чувствами не проникнуты. В сборник стихотворений 1829 года будет включено под названием «Е. Н. У***вой. В альбом» послание, адресованное Елизавете («Вы избалованы природой...»), а Екатерине эта книга будет подарена с достаточно сдержанной надписью, завершающейся латинскими словами «Nec femina, nec puer» («Ни женщина, ни мальчик»), взятыми из оды Горация.

Сергею Киселёву, который в 1830 году женится на Елизавете, Пушкин незадолго до того напишет с лёгкой шутливостью: «Кланяйся неотъемлемым нашим Ушаковым».

Всё это свидетельства скорее сердечной дружбы, чем страстной влюблённости. А Екатерина выйдет замуж уже после смерти Пушкина, по требованию жениха уничтожит альбомы с рисунками и стихами поэта, не сохранится и её переписка с Пушкиным.

XL

Живя в доме Соболевского, Пушкин задумывает подарить другу свой портрет. И заказывает его за 350 рублей художнику Василию Тропинину. Тот наведывается в дом на Собачьей площадке, делает первый этюд. Потом Пушкин позирует ему в мастерской на углу Ленивки и Волхонки. Получается изрядно: и по-домашнему, и возвышенно. Поэт вроде бы в халате, а складки его напоминают тогу. Два любимых перстня на пальцах тщательно прорисованы. Кому-то потом не понравится, что взгляд голубых глаз неподвижен, а Пушкин вообще-то живчик, так и стреляет глазами в разговорах. Но почему бы ему и задумчивым не предстать: может быть, сочиняет в эту минуту.

А летом того же 1827 года, когда Пушкин в Петербурге, Дельвиг заказывает его портрет другому мастеру — Оресту Кипренскому. Ну, тот романтик: поэт у него байроничен, руки по-наполеоновски скрещены, через плечо красно-зелёный шотландский плед. Пишется портрет в доме Шереметева на Фонтанке. Потом Дельвиг просит добавить на заднем плане статую музы с кифарой.

Пушкин откликается стихотворным посланием. Кипренский собирается выставлять работу в западноевропейских музеях, о чём речь в конце:

Себя как в зеркале я вижу,
Но это зеркало мне льстит.
Оно гласит, что не унижу
Пристрастья важных аонид.
Так Риму, Дрездену, Парижу
Известен впредь мой будет вид.

Пушкин потом выкупит эту картину у вдовы Дельвига. В конце концов портрет, созданный в Петербурге, поселится в Москве, в Третьяковской галерее. А писанный в Москве портрет кисти Тропинина окажется в собрании Музея А.С. Пушкина в Петербурге.

XLI

Два увлечения переживает Пушкин в 1828 году. Эти истории развиваются по сути параллельно. За ними — две стороны пушкинской природы и две грани женственности, его привлекающей. Первая — «Аграфена» из второй, «дополнительной» части «Донжуанского списка». Аграфена Фёдоровна Закревская, урождённая графиня Толстая — жена генерала, министра внутренних дел. Ровесница Пушкина. Светская львица, среди поклонников которой и Баратынский, и Вяземский, сообщавший в письме жене о том, что Пушкин «отбил» у него Закревскую. Вяземский прозвал её «медной Венерой», а Пушкин 1 сентября пишет ему: «Если бы не твоя медная Венера, то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в свои сводники...»

Из этих слов следует, что отношения доверительны. Под «стихами» имеются в виду три энергичных восьмистишия («Портрет», «Наперсник», «Счастлив, кто избран своенравно...»). Любовная искущённость «медной Венеры» поражает «наперсника»: «Боюсь узнать, что знала ты!» Богатый любовный опыт раскованной женщины и художническое всезнание поэта вступают в своеобразный резонанс. «Портрет» завершается словами, которые станут крылатыми и будут цитатно применяться отнюдь не

к женщинам «с большим прошлым», а к политическим смельчакам и дерзким новаторам в искусстве:

Как беззаконная комета
В кругу расчисленных светил.

А с девятнадцатилетней Анной Олениной Пушкин был знаком давно, ещё в своей юности и её младенчестве. Осенью или в начале зимы 1827 года он вновь встречается с ней. «Однажды на балу у графини Тизенгаузен-Хитровой Анета увидела самого интересного человека своего времени и выдающегося на поприще литературы: это был знаменитый поэт Пушкин. Бог, даровав ему гений единственный, не наградил его привлекательной наружностью...» — так в «литературной» форме от третьего лица рассказывает в своём дневнике юная Оленина.

Пушкин начинает посещать дом Олениных. Отец Анны — важная персона: член Государственного совета и президент Академии художеств. Наведывается Пушкин и в Приютино — летнюю резиденцию Олениных под Петербургом. В мае Пушкин и Анна в дружеской компании едут морем в Кронштадт. Прямо на пароходе слагаются два стихотворения. Одно из них обращено к попутчику по поездке художнику Джорджу Доу (тому самому, кто создал около трёхсот портретов русских военачальников 1812 года для галереи Зимнего дворца). Доу делает набросок пушкинского портрета, а тот советует ему:

Рисуй Олениной черты
В жару сердечных вдохновений,
Лишь юности и красоты
Поклонником быть должен гений.

Юность и красота — вот всё, чем мог в данном случае увлечься Пушкин. Он готов поэтизировать любую мелочь. Как-то Анна по ошибке называет его на «ты», и тут же рождается знаменитое впоследствии «Ты и вы». Ситуация обозначена афористически («Пустое вы сердечным ты...»), но довольно обобщённо.

Пушкин подумывает о сватовстве, примеряет к своей фамилии имя предполагаемой невесты: Annette Rouchkine. Эта запись в тетради потом тщательно зачёркивается. Что происходит дальше? На этот счёт имеются три версии: а) Пушкин сватается, но родители Анны отвергают его как нежелательную для дочери партию; б) он делает устное предложение, а потом уходит в сторону; в) формального предложения со стороны Пушкина не было, а отношения истаяли сами собой. Последняя, наверное, ближе всего к истине.

В 1829 году Пушкин вписывает в альбом Олениной восьмистишие «Я вас любил, любовь ещё, быть может...» — стихотворение, которое займёт второе место по легендарности в пушкинской любовной лирике (после стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»). Эти стихи тоже предельно обобщённые: всякий читатель имеет возможность применить их к себе и своему собственному любовному опыту. По позднему свидетельству внучки Олениной, в 1833 году автор подписал под этим текстом в альбоме: «plusqueparfait» («давнопрошедшее» — французский вариант наименования глагольного времени плюсквамперфект). Не хотелось ему вспоминать... Но так или иначе, в первой, главной половине «Донжуанского списка» имя Анна занимает предпоследнее место. После него следует уже окончательное: Наталья.